

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**ДВОЙНАЯ
ЖИЗНЬ**

Оглавление

О КНИГЕ.....	5
1 ЧАСТЬ.....	13
ВЛЕЧЕНИЕ.....	14
Глава 1	14
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	45
Глава 10	50
2 ЧАСТЬ.....	53
СМЕРТЬ.....	53
Глава 1	53
Глава 2	54
Глава 3	56

Глава 4	60
Глава 5	64
Глава 6	66
Глава 7	70
Глава 8	73
ЧАСТЬ 3	74
СТРАДАНИЕ	74
Глава 1	74
Глава 2	79
Глава 3	82
Глава 4	83
Глава 5	85
ЧАСТЬ 4	94
ДЕТСТВО	94
Глава 1	94
Глава 2	97
ЧАСТЬ 5	101
АЛЬТЕР-ЭГО	101
Глава 1	101
Глава 2	101

Глава 3	104
Глава 4	107
Глава 5	112
Глава 6	115
Глава 7	119
ЧАСТЬ 6.....	123
ПЕРЕРОЖДЕНИЕ	123
Глава 1	123
Глава 2	127
Глава 3	132
Глава 4	135
Глава 5	143
Глава 6	145
ЧАСТЬ 7.....	146
И СНОВА СНАЧАЛА.....	146
Глава 1	147
Глава 2	149
Глава 3	156
Глава 4	158

© 2014 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

«За последние годы я усвоил мудрую истину: все девушки одинаково годятся, чтобы с ними жить. Берите любую, не ошибетесь».

Э. Лимонов

С.А.

Зелинский

Двойная

ЖИЗНЬ

Altaspera

CANADA

2014

С. А. Зелинский

Двойная жизнь

С. А. Зелинский.

Двойная жизнь. Роман.— CANADA.:

Altaspera Publishing & Literary Agency Inc, 2014.

— 162 с.

ISBN 9781304857569

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть
данной книги не может быть воспроизведена в
какой бы то ни было форме без письменного
разрешения владельцев авторских прав.

Роман

Двойная жизнь

«Тот не любил, кто сразу не влюбился»

Шекспир

«За последние годы я усвоил мудрую истину: все девушки одинаково годятся, чтобы с ними жить. Берите любую, не ошибетесь».

Э. Лимонов

Пролог

Быть может покажется удивительным, но мне никогда по настоящему не нравились женщины. Ни женщины, ни девушки. При этом я ни в коем случае не был гомосексуалистом. Мужчины мне тоже не нравились. Да мне вообще никто не нравился. Не нравился даже я сам. И это при том, что кто-то мог сказать что я себя любил. И даже возвеличивал. Это не так. Как бы это не казалось внешне – внутри я себя ненавидел. Так же как и всех кто меня окружал. И я никогда не был женат. У меня никогда не было любовниц. У меня никогда не было друзей, товарищей, приятелей и вообще никого, кого бы хоть как-то можно было зачислить к тем, кто со мной общался. Со мной вообще никто не общался. Потому что я избегал любого общения. И как только у меня появлялось предчувствие, что обычное знакомство с кем-то

(знакомств, впрочем, я тоже избегал) может иметь какое-то продолжение – я тотчас же разрывал любое общение с этим человеком. Бывало, убегая на полуслове. (Чем видимо приводил моего потенциального собеседника в завидное – «вот бы взглянуть в его глаза» -- недоумение).

Но о каком-то недоумении я мог только догадываться. Потому что больше никого не видел из тех, с кем приходилось общаться хоть однажды. А если же подобное общение мне все-таки предстояло – я предварительно изменял внешность: наклеивал усы, перекрашивал волосы, сбривал бороду. И изменял голос.

У меня часто не было настроения. Хотя и еще чаще мне ни до чего не было дела. И если что я и любил – так это лишь только бродить в своем собственном мире. Мире собственного бессознательного. Где я прямо-таки с наслаждением предавался самым откровенным извращениям. Ибо в этом мире – я был много раз женат. У меня было много любовниц. Некоторые из любовниц – расставаясь со мной – погибали. И если я и был причастен к их смерти – то только лишь из-за того, что когда-то их знал. И не более. Хотя, замечу, в том мире, в который я погружался -- можно было делать все что угодно. Влюбляться, любить, ненавидеть, и даже – убивать, непонравившихся тебе. Независимо кого. За это не наказывали. Там вообще не существовало такого понятия как наказание. И при этом не было никакого хаоса. Все как-то – на редкость удивительно – были заняты своим делом. А вот какое дело было у меня?.. Хотя наверное и у меня ведь было какое-то дело? Пусть я и не придавал этому значения. Но так уж повелось.

Здесь вообще не принято чему-то придавать значение. Все было так – как было. И никто ни о чем никого не спрашивал. И ничему не удивлялся. Да даже могу признаться (а что уж тут скрывать), что какого-то «выражения чувств»... Такое здесь было не принято. Каждый не только занимался своим делом, но и не знал – какое «дело» было у соседа. Соседей тоже не было. Потому что никто не знал кто их сосед. На это попросту не обращалось внимания. К вам не могли подойти, чтобы, например, заговорить с вами. Вас могли только убить. И притом – неожиданно. Но даже страха ожидания не существовало. Потому что не существовало ничего. Также как и не существовало и вас. И только вы сами знали – что существуете. И не больше.

И быть может вообще ничего из того, что я только что написал, не было. Хотя, если честно, и об этом я не знаю. Иногда мне кажется, что я ничего не знаю. И как бы ни пытался узнать, все равно впереди будет лишь одно -- неизвестность.

И быть может от нее я уже все больше погружался в мир собственного бессознательного. Чтобы уже там находить недостающее мне.

И, надо признать, действительно там чувствовал себя намного привычнее, чем в реальном мире. Потому что это настолько на самом деле был «мой» мир – что мне не хотелось кроме него ничего. Совершенно ничего. И даже я могу сказать, что я каким-то неосозанным образом вызывал в себе какие-то новые состояния. Состояния психики, которая словно бы поддавалась навстречу исходившим от моего мозга импульсам (если все-таки

предположить, что центр бессознательного где-то в головном мозге); не только изменяя мою жизнь, но и делая ее такой, что ни о чем другом я уже и не думал.

А что-то, что могло бы вызывать в моей душе какое-то сопротивление этому «процессу» -- уничтожалось само собой. По крайней мере я был в этом не повинен. Как, впрочем, наверное ничего и не понимал.

Настолько, насколько я вообще готов был что-нибудь понимать? Потому что большей частью все проходило передо мной неосознанно. И максимум что мне удавалось – констатировать (про себя) мелодии уходящей реальности. Которые в большинстве случаев я и не понимал. А может и боялся понимать.

Но уже как бы то ни было, мне иногда хотелось настоящего праздника. В душе. Хотя бы в душе. И я как бы, если можно так сказать, санкционировал этот праздник.

Пусть это было и не по настоящему. Но кто посмеет меня упрекнуть в том, что я искал любой способ насладиться тем, чего, большей частью, был лишен в своей сознательной жизни? Как бы всецело (и почти исключительно; по крайней мере в такие минуты) погружаясь в мир бессознательного. Мир скрытый от большинства из нас. И зачастую скрытый лишь только потому, что не каждый может найти способы проникновения в него. Потому как те, у кого это получалось – бережно хранят свои секреты. Не только не пуская посторонних, но и как будто даже (об этом я мог только предполагать) – ставящим всяческие препоны – на пути к этому.

И не было никаких сомнений, что кому-то удастся эти «препоны» обойти. И потому, что мир бессознательного как бы изначально представляет собой загадку. И потому, что не каждый-то в своей сознательной жизни желает кого-то достаточно близко подпускать к себе. А тут – внутренний мир. Мир, который у каждого обычно более чем надежно защищен. И от всяческих посягательств извне в том числе. И с этим необходимо было как минимум считаться. Признавая то, что мало кто (а может и никто; по крайней мере сознательно) подпустит вас к себе настолько, чтобы вы запросто хозяйничали в его бессознательном. В его внутреннем мире. Потому как... Потому как – и невозможно это. Как бы уже изначально. По факту. По факту, который, быть может, на самом деле и необъясним. Но который непременно есть. Существует. Должен существовать.

А если честно, я бы и предостерег любого от проникновения во внутренний мир другого. Ибо это может просто-напросто вызвать необратимые (и разрушительные!) последствия. И ничто тогда не сможет защитить такого человека (решившегося на такое). И не только мне будет его искренне жаль. Но уже наверное и самому такому человеку будет искренне жаль самого себя. Но изменить что-то будет очень трудно. Да и почти невозможно. И все что ему останется – подчиниться новым условиям. В которых он будет вынужден находиться. Ибо они окутают его мозг; его сознание. И говорят в таком случае – что вселились в этого человека бесы. Но что говорить, когда мы с вами знаем, что он сам вызвал их. Спровоцировав ситуацию, которая вообще-то и не должна была наступить. И то что это так –

подтверждает хотя бы то, что человек оказывается не готов к этому. И не только вернуть что-то назад не получится. Но и может так случиться, что у него уже вообще – ничего не получится.

И только смерть будет его долгожданным спасением. А иначе как будто и невозможно.

Но я не хотел такого сценария! Как же я не хотел такого сценария! Не хотел – и не мог с собой ничего поделать. Потому что словно все время находилось что-то, что как бы вынуждало меня возвращаться назад. Погружаясь в глубины собственной психики. И даже не то что бродить – а барахтаться там. Всякий раз с надеждой убеждая себя что настанет день, когда мне удастся выбраться.

Но день такой не наступал. А я... А я как будто уже и не сопротивлялся тому, что происходило со мной. И лишь только с надеждой ожидал – что это все же когда-нибудь изменится. Но... наверное я был уж слишком наивен. Не самонадеян. Нет! Именно наивен. А за наивностью просматривалась вера. Вера в доброту. В счастье. Удачу. Вера в то, что прежде чем я окончательно сойду с ума – что-нибудь изменится.

Хотя и что мне уже будет до того...

1 часть.

Влечение.

Глава 1

Меня зовут Андрей Аркадиевич Васнецов. Мне сорок семь лет. Когда-то я был музыкантом. И не только играл на пианино в одной уже малоизвестной группе (а в советское время мы объездили с гастрольями всю страну), но и сам сочинял музыку. И даже пробовал петь. Но последние десять лет я занимаюсь...

Задумался... Назвать это бизнесом – вроде как излишне претенциозно. Предпринимательством? Так мне вообще не нравится это слово.

И тогда я признаюсь, что у меня на пару с компаньоном небольшое кафе. Совсем небольшое. Учитывая, что никогда приличной прибыли мы еще не видели. А все зарабатываемые деньги расходились на поддержание работы заведения. И на удовлетворение совсем незначительных личных потребностей каждого из нас. Притом что мне всегда было бы нужно еще меньше, если бы...

Если бы не женщины. Которые на протяжении моей жизни проживали со мной. И которым я, собственно, и отдавал все свои деньги. Чтобы только успокоить их. Переключив хоть на что-то. Для того чтобы оставили в покое меня.

.....

.....

За всю жизнь таких женщин было восемь. Все они жили со мной в гражданском браке. Что не мешало видимо им в их воображении решить, что наш брак самый что ни на есть настоящий. А значит относиться ко мне так, как будто я не могу от них уйти. Разорвать отношения.

Как ни странно, но они оказывались правы. У меня действительно не хватало сил от них уйти. А я мучился. При этом даже понимая что с какого-то времени наших отношений начинаю обречь себя на новые страдания.

Но я совсем не мог с этим ничего поделать.

И не только не мог это как-то предотвратить, но и даже наоборот – со временем еще крепче затягивал на себе страшный узел. От чего становилось трудно дышать. И совсем не хотелось жить. А если я еще жил – то уже и сам удивлялся: почему?

Почему? У меня было предположение что это было кому-то нужно. Но вот только кому? Женщинам? Или мне?..

Все это приносило мне страдания. И при этом я продолжал точно такой же жизнью. Ничего в ней не меняя.

И уже вполне можно было предположить, что моя жизнь давно мне уже не принадлежала...

Глава 2

Лена стала моей первой женщиной.

Мне было тогда восемнадцать. Ей примерно столько же. Небольшого роста, с прекрасно развитой грудью, и красиво очерченным ртом.

Видимо ее губы и подчинили меня. Потому как стоило мне только представить, как она становится на колени и обхватывает губами мой тот час же вздымавшийся член, как мне уже ничего было и не нужно.

Да и Лена, казалось, ничего вокруг уже и не замечала. Исполняя такое «соло на трубе» -- что я сразу же забывал все обиды, которые она причиняла мне в течении дня. Именно дня. Ибо наши интимные отношения происходили исключительно ночью. И стоило мне только «начать готовиться ко сну», как я уже знал, что Лена с жадностью припадет к моему пенису. И будет сосать...

.....
.....

Отдавалась она жарко, неистово и откровенно сексуально. Отбрасывая совсем ненужный, как она полагала, стыд, и не только позволяя проникать в свои самые потаенные уголки своего тела, но и стремясь направлять своими пальчиками мой член в те места, куда ей, видимо, как-то по-особенному хотелось. И если с минета у нас начиналось и им же заканчивалось (у Лены был какой-то страх перед возможностью забеременеть), то в процессе всего нашего акта любви мне позволялось откровенно ебать ее во все места. И повинуюсь нашему обоюдному желанию я переворачивая Лену со спины на живот, набивая все ее щели своим желанием.

«Вряд ли мне когда-нибудь еще будет так хорошо»,--
думал я тогда. И стоит признаться, в какой-то мере был недалек от
истины. Ибо для меня тогда все было в первый раз. И мне
действительно казалось, что ничего лучше этого быть и не может.

.....

.....

Наверное, главным для меня в тех отношениях был секс.
Именно он являлся цементирующей основой, скрепляющей наши
отношения. И если бы не было моего откровенного
доминирования в постели, я бы не выдержал с Леной и дня. Ведь
различие между Еленой днем и моей Леночкой ночью было столь
парадоксальным, что я все чаще забирался в какой-нибудь уголок
нашего двора (совместную жизнь мы начали в настоящем
деревенском доме, оставшемся после смерти деда с бабкой по
линии моего отца), чтобы побыть наедине с собственными
мыслями, и ответить на мучивший меня вопрос: а нужна ли мне
такая жизнь?

С одной стороны, если я продолжал жить подобной
жизнью, можно было предположить что нужна. Но уже то что я
задумывался об этом – как бы говорило об обратном.

Я страдал. Я самым мучительнейшим образом страдал от
насилия Елены над собой. И у меня иной раз появлялись
серьезные предположения о ее психическом здоровье. Потому как,
случалось, доставалось мне даже очень.

.....

.....

Лена все чаще была недовольна всем, что ее окружает. Выросши в семье художников, она очень рано получила свободу, будучи предоставленная сама себе.

Нет, какой-то контроль над ней, конечно же, осуществлялся. Да и жила она с родителями до тех самых пор, пока я ее не забрал. Но...

Первый мужчина (кто был этот «счастливчик»?) у Лены появился уже в четырнадцать лет. Он же как будто и оберегал ее от посягательств других, будучи лет на десять ее старше, и уча премудростям любви.

Через два года его посадили (причем, как я понял, у него это был не первый срок). А Лена почти сразу стала жить с его другом, который наоборот, к тому времени только освободился, и которому (она сказала об этом вскользь, но чуть позже картина сложилась по обрывочным ее «воспоминаниям») ее проиграли в карты.

Разумеется, тогда девушка об этом не знала. И наивно полагала что к ней пришла еще одна любовь.

Как оказалось, на свободе новая «любовь» продержалась недолго, сев за кражу. И после этого Елена какое-то время оставалась одна. Пока ей не встретился я. (Хотя, если честно, у меня были все основания предполагать, что между теми двумя и мной были еще несколько человек.)

.....

.....

Поначалу Лена казалась мне очень милой и обходительной. А потом оказалось что это вообще общая черта женщин, которые в последующем жили со мной. И у всех это было только поначалу. Потому как менялись они сразу, стоило им переехать жить ко мне, и когда становилось ясно что у нас образовалось нечто вроде семьи. Причем все восемь женщин, с которыми в разный период своей жизни жил я в неофициальном браке искренне полагали что у них со мной семья. Да наверное так считал и я.

А потом оказалось что Лена была недовольна всем. Она раздражалась по любому поводу. Совсем не считала необходимым как-то сдерживать выплескивающую из нее агрессию. И, казалось, наши ежедневные скандалы выматывали кого угодно (еще соседей, например), но только не ее. Причем для тех же соседей видимо было большим удивлением слышать ночью уже совсем другие крики. Крики страсти. Ибо кричала Елена несколько не желая сдерживаться, и только когда она обхватывала губами мой член, крики сменялись стонами. Хотя иной раз эти самые стоны были под стать крикам. Разве что я тогда уже совсем ничего не замечал. Пока не находил момент чтобы вынуть изо рта девушки свой член, разворачивая по ходу движения Лену к себе спиной для того чтобы войти в нее сзади.

Я думаю в своем воображении она рисовала себе как минимум еще одного мужчину, который (я чувствовал как ей этого хотелось) занимался с ней любовью одновременно со мной. И когда она наклонялась ко мне для того чтобы начать сосать мой пенис,-- почти всегда прогибалась таким образом, словно предоставляя кому-то возможность оттрахать ее в зад. А если же она стояла на четвереньках, а я накачивал ее сзади, то ее губы вытягивались по типу губ кукл из сек-шопа, в явном желании обхватить чей-нибудь хуй. И мне тогда становилось неудобно, что я не могу ничего вставить в ей в рот, потому что мой член в это время пребывал в ее попе. И ему там было, в общем-то, более чем приятно.

Я не стану сейчас перечислять всех поз, в которых отдавалась мне Елена. Скажу лишь, что в наших сексуальных отношениях вполне чувствовалась и ее фантазия, и ее опыт. Пусть и опыт к тому времени еще небольшой. Но я всегда был уверен что эта девочка была рождена для секса. Да и ничем другим, впрочем, и не хотела заниматься. Домашнее хозяйство вел я. Ну а если в какие-то мгновения она вдруг решила вымыть пол, то словно бы специально (скорей всего, все-таки бессознательно) становилась в такую позу, что у меня совсем не было сил сдерживаться. И задирая ей платье – я врвался в нее. Тем более нижнее белье Лена не носила.

.....

.....

Наверное, уместно задать вопрос про любовь. Но я даже не знаю – была ли она? И как-то получилось, что между нами все началось слишком быстро. И почти на первых минутах нашего знакомства (когда я как-то слишком близко оказался возле нее) она прошептала мне что хочет меня. Подкрепив свои слова «соло» на трубе. Где роль трубы досталась моему набухшему члену.

Елена хотела всегда. И это, пожалуй, было самое лучшее, что было в ней. Потому как если говорить о чертах ее характера...

Черты характера девушки были отвратительны. И наличие их вносило в мою жизнь исключительно беспокойство.

.....

.....

Слишком поздно я заметил, что ее желание получения сиюминутного удовольствия уже как будто и не подчиняется ей. И лишь когда (уже через полтора года нашего брака) застал Лену делающую минет какому-то парню (в то время как другой пристроился сзади), я смог пересилить себя, и разорвать с ней отношения. (Хотя, признаюсь, до сих пор уже заметно повзрослевшая Елена приезжает ко мне, чтобы сделать то единственное, что у нее получалось лучше всего.)

Глава 3

Так получается, что это на самом деле я только сейчас имею возможность описывать все спокойно. Вполне спокойно, учитывая, сколько прошло времени. Но словно бы вынужденно возвращаясь в прошлое, у меня вновь подступает к горлу ком той обиды, с которой я жил после вынужденного, по большому счету, расставания с Леной.

Быть может я даже ее любил. И пусть любовь сдабривалась теми сексуальными ухищрениями, на которые пускалась Елена чтобы удержать меня, но ведь мне это нравилось. Да и с учетом того что я до сих пор поддерживаю наши отношения – продолжает нравиться. И тогда уже нет-нет да приходится задумываться: что мне мешало в то время жить с Леной и испытывать постоянной, и усиливающееся с каждым годом совместной жизни напряжение? Может быть молодость?

И тогда уже я могу предположить, что если бы этого напряжения не было, то может быть и не случилось бы того моего разочарования в женщинах, которое наверное началось как раз после совместной жизни с Еленой. Хотя? (Это я о том, что после Елены у меня было достаточно много браков. Причем всех своих женщин я как будто любил...)

.....

.....

После Елены я стал жить с Эльвирой. Вот это уже поистине была не женщина, а одно сексуальное желание. Причем желание самое что ни на есть извращенное. Потому как оргазм (даже не один, а серия взрывов эпилога ее вулканической страсти) она могла получить только в одной ситуации: когда я оказывался прикован – сидя обнаженным – к стальному кольцу вмонтированному в пол одной из комнат ее четырехкомнатной квартиры (судя по давности лет «кольца» у меня были все основания предполагать что до меня на этом месте уже побывали многие), а она хлестала меня розгами. (После этого она буквально заглывала мой – давно уже находящийся в недоумении от всего происходящего – член, и всасывала в себя все, что накопилось за время сексуальных экзекуций.)

Эльвира была на четыре года старше меня. Мне двадцать – ей двадцать четыре. И самое удивительное, что с ней я прожил чуть ли не больше всего. Почти пять лет. Тогда как с другими этот срок был заметно короче (хотя иной раз и ненамного).

Это была высокая, пышная блондинка. С небольшой высокой грудью, полными бедрами, на редкость упругими ягодицами (видимо сказались годы ее занятий спортом) и почти таким же великолепно очерченным ртом как и у моей предыдущей пассии. Причем стоит признать что Лена, даже несмотря на свою любовь к оральному сексу, Эльвире в обращении с мужским органом любви все же несколько проигрывала. Потому что Эля сосала так, что уже казалось и действительно ничего в этой жизни не существует. Хотя могу заметить что все же наивысшее

наслаждение Эля получала от моего проникновения между ее ягодиц.

Вот это действительно было удовольствие и для нее и для меня. Притом что часто Эльвира все-таки предпочитала чтобы я ее хорошенько накачал сзади, и только после этого уже связывала (или заковывала в наручники), и начинала избивать.

Была она самозабвенно. Распаляясь от самих ударов и перекивая даже магнитофон, включенный на всю мощность динамиков.

И пожалуй самое удивительное было то, что в обычной жизни Эльвира казалась мягкой и несколько даже плаксивой.

Она и действительно плакала чуть ли не по любому поводу. Во всех происходящих событиях замечая исключительно негативную сторону. И иной раз ее пессимизм достигал такой степени, что я был вынужден бить тревогу, затаскивая ее в постель. Потому как только в постели девушка преображалась. Становясь властной, решительной и до бесшабашности отчаянной. Да и к тому же еще и проявляя какое-то удивительное изобретательство в воплощении своих сексуальных забав. Ну уже хотя бы то что большинство сексуальных игр и механизмов для удовлетворения собственной страсти придумала она. А я только бегал в поисках ремесленников, готовых воплотить в жизнь начерченные Эльвирой на бумаге сексуальные конструкции.

Мне было тяжело с Эльвирой. Это ее постоянное нытье...

И уже если и было что-то, на что она не жаловалась,-- так это ее здоровье. Которого действительно хватило бы на несколько жизней.

Глава 4

Уже видимо начиная с первой женщины, решившей со мною жить, в необходимости жизни с кем-то я явно чувствовал какой-то дискомфорт. И видимо только необычайная по накалу сексуальная страсть было причиной того что совместную жизнь с кем-то я продолжал после первой ночи. И что уж точно, выдерживал больше недели. Ибо видимо как раз недели мне хватало чтобы прекращать со своими женами какую-то игру. Становившись тем, кем я, собственно, и был. А был я извергом и сексуальным маньяком. И справедливее сказать что это я заставлял своих многочисленных жен играть по своим правилам. Делая все так, что бы они полагали что все с точностью наоборот. И какая-то инициатива принадлежит исключительно им.

Как бы не так...

.....
.....

Мне было плохо, больно, я мучительно переживал свою невозможность разорвать навязанные мне отношения. Ведь

просто так развернуться и уйти я не мог. Но как будто и страдать дальше не хотел. Не хотел – но был вынужден. Ибо был я от природы мягкий, слишком мягкий. И первые тридцать лет своей жизни вообще, стоило мне сказать более-менее грубое слово – как чуть ли не падал в обморок. В то время как на сексуальные оргии это, конечно же, не распространялось. Там была другая жизнь. Словно бы параллельная той, в которой я находился большинство времени. И в которой и я и мои партнерши заметно отличались от себя же, но вне секса.

.....

.....

Вне секса вообще все было по-другому. И я думаю, что страдал не только я, но и все те женщины, которые в разный период жизни проживали со мной. Ибо (и всех их и меня) роднило одно: почти ярко выраженная неудовлетворенность какой-либо жизнью вне секса. Можно конечно сказать, что я сам бессознательно подбирал себе женщин таким образом, чтобы в сексуальных отношениях со мной у них превалировала именно сексопатология. Но мне все же хочется чтобы считалось что все получалось как бы само собой. Так сказать, по независимым – ни от кого из нас – обстоятельствам.

.....

.....

Несколько раз я пытался от Эльвиры сбежать. И всякий раз возвращался сам. А она, быстро высвободив меня из-под одежды и раздеваясь сама – избивала меня в этот раз более яростнее, чем это случалось прежде.

Хотя что до финала, то он был один. Эльвира широко открывала свой рот, полусжимала свои прекрасные губы на моем члене, и сосала, сосала, сосала. Сосала до тех пор, пока мое трансформированное в сперму желание не заполняло ее глотку; но и тогда она как будто не прекращала сразу. Часть содержимого проглатывая, а остальному давая стекать по ее губам на набухшие от возбуждения соски, сжимая и как-то насаживая бедрами на мою руку, которая чуть ли не с самого начала действия была погружена ей между ног.

Иногда помимо руки в том самом месте оказывался и мой язык. Который – словно с колокольчиком -- играл с ее клитором; а потом насколько это было возможно глубоко -- забирался вовнутрь. И тогда наши губы встречались.

А случалось я просто целовал и всасывал в себя все, что попадалось мне на пути в обезумившей от страсти женщине. Которая почти до положения шпагата разводила свои ноги в стороны (спорт... спорт...), и наверное не отказалась бы, если бы я весь пролез вовнутрь. Что я интуитивно угадывая ее желание и старался делать. И только чувствовал вцепившиеся в мою спину ноги и когти девушки. И только слышал ее обезумившие от страсти стоны: «Еще... еще...».

.....

.....

Обычно с Эльвирой у меня получалось по несколько раз. Первый – обязательно тогда, когда переворачивая ее на живот, я подминал под себя девушку, а мой орган любви – более чем уверенно – входил между ее ягодиц. Второй – уже после экзекуции (когда она разряжалась многочисленными оргазмами хлеща меня розгами), в ее рот. Ну а между ними вполне еще мог случиться один, два. Ну это уже не всегда.

Глава 5

Я не могу сказать, что мне так-то уж нравилась семейная жизнь. Справедливее сказать, что она мне не нравилась. Но вот словно бы независимо от моего какого-то желания, события происходили таким образом, что я жил той жизнью, которой, собственно, и жил. То есть предавался удовлетворению сексуальных позывов. И при этом страдал. А сама жизнь словно бы разделялась на две: до секса, и во время него.

.....

.....

Оксана, казалось, смеялась по жизни. Она все воспринимала с чувством юмора. В любой, даже крайне

запутанной ситуации видела положительную сторону.

Создавалось впечатление что у нее все было под контролем. И так, должно быть, было и на самом деле. По крайней мере я совсем не помню, чтобы Оксана хоть раз из-за чего-то сильно страдала.

Разве что...

В постели она постоянно плакала. Плакала так, словно бы все совершаемые над ней действия происходили с позиции силы партнера а не из-за ее желания; и напоминали форму не иначе как надругательства над этой хрупкой и беззащитной девушкой, которой бессознательно она видимо хотела казаться.

И она как будто и действительно не принимала участия в акте любви. И всхлипывая лишь поглядывала на трудящегося между ее ног мужчину. Хотя даже скорей всего она смотрела в потолок (ну или что было на тот момент над ней). Закатив глаза и не дрогнув ни одним мускулом лица пока ее ебут.

И хотелось ее так отъебать, чтобы она хоть что-то произнесла в ответ. Но девушка молчала как партизан, в то время как с меня исходил седьмой пот. Притом что останавливаться я не мог. Ибо лишь только попытался было это сделать (заметив что член стал увядать не чувствуя отдачи со стороны женщины, и желая этот член вставить в ее рот для обретения должной упругости), как она моментально обхватила меня своими руками и ногами (уподобившись обезьяне припавшей к стволу дерева), и я понял, что останавливаться мне нельзя.

С ее стороны это была игра. И наверное максимальное удовольствие она получала именно оставаясь безучастной.

А на каком-то этапе это понравилось и мне. Хотя первое время и приходилось звать на помощь свое воображение. Которое стоит заметить меня всегда выручало. Ибо вообразить я мог себе все что угодно. После чего чувствовал дополнительный прилив желаний, и готов был закончить сразу как только это будет нужно. При этом понимая что моя партнерша на самом деле тоже испытывает немалое удовольствие. И ебал ее, совсем не обращая внимание на выражение ее лица, напоминая маску, надетую на лицо сексуального вампиренка.

Уставал я после этого. Не физически. Морально. Больше даже от переизбытка чувств в результате загадочности ситуации. Потому как сначала она (когда ей предстоял секс) плакала. (ну или похныкивала). Потом (как только я входил в нее, лежащую в миссионерской позе) молчала. А после того как я (и хочу надеяться она) кончал,-- девушка, понимая что ни то что находится между ее стройных длинных ног, ни между ее аккуратненьких и упругих ягодиц мужчине в ближайшее время не потребуется – преобразовывалась. Становившись одним из самых веселый людей, которых я когда-либо знал.

И это была еще одна загадка. Тогда как первой загадкой было мое невероятное открытие, когда я узнал, что с другими мужчинами Оксана ведет себя иначе. Не знаю, может после всего она хохотала так же как и со мной (почему бы и нет?!), но то что в постели она все же выражала свои чувства – было очевидно.

Когда один из моих товарищей, знающей о моих отношениях с Оксаной, признался что моя девушка трахается на

стороне – я ему не поверил. Но когда схожее (почти слово в слово) повторили еще несколько человек – я решил с Оксаной расстаться. За ее обман.

Но сразу это не сделал. Позволив девушке уговорить себя. И знаете чем она меня подкупила? Признанием что действительно остается безучастной только в постели со мной. И знаете чем она это обосновала? Тем что так происходит потому что со мной она искренна! Что предполагало что с другими она играет. И мне это понравилось.

И я даже попросил ее взять в свою игру и меня. После чего с незабываемым наслаждением наблюдал за тем как кто-нибудь трахает мою жену. Причем на каком-то этапе сдерживаться я не мог, и ебал их обоих.

А началось все с того, как однажды я зашел в свою квартиру и услышал какие-то подозрительные стоны. Постояв какое-то время, прислушиваясь, я определил что и женщина и мужчина явно испытывают наслаждение от общения друг с другом. После чего я осторожно заглянул в комнату и обнаружил что женщина – это Оксана, а мужчина... какой-то мужчина.

Они тоже меня увидели. И было заметно что смутились. Он сполз с нее и зачем-то встал, дрожа от страха и от не знания того что он должен делать.

Я посмотрел на него. Мне в глаза бросились его волосатые ноги и ставший опадать член. Жена же моя наоборот, забралась с ногами на подушку, натянув на себя одеяло.

Я улыбнулся и велел им продолжать.

Они недоуменно переглянулись.

Тогда я одним рывком подскочил к постели, положил Оксану животом на кровать, а мужчину приказал войти в нее исключительно сзади.

Моя супруга стала плакать, и по всему было заметно что сексуальное возбуждение у нее ушло. Тоже можно было сказать и о мужчине.

Тогда я просто избил их обоих. И – его выгнал, а ее – стал насиловать самым откровенным образом. Сочетая свои толчки-проникновения в ее тело с легкими ударами по лицу, воспаляясь как от происходившего, так и еще может даже в большей мере от того что видел до этого. Причем степень моего возбуждения достигла максимальной стадии когда я вдруг свою жену извивающуюся от хуя только что покинувшего моего дом незнакомца. И я кончил, вкачав в лоно супруги столько семени, сколько раньше быть может и никогда не выдавал. А сам я кричал от наслаждения, наверное уже тогда понимая что разрешу своей супруге ебаться на стороне с условием что сам за всем этим буду наблюдать.

Для меня это действительно было какое-то новое удовольствие. И, помнится, я даже вполне искренне пожалел, что подобного со мной никогда не случалось раньше.

Но пожалуй самое главное было то что я теперь знал: наивысшее наслаждение я испытываю только когда одновременно и бью и насилую тело женщины, которая должна в этом случае просто выполнять все мои команды, оставаясь безучастной, и,

соответственно, не сбивать меня с нужного ритма, выработанного моим включавшимся в игру воображением.

Ну начинаться должно все с того момента, когда женщина брала в рот мой член. Причем губы ее должны были приоткрыться ровно настолько, чтобы обхватить ствол моего пениса. Все остальное (положив руки на ее голову) уже делал я. От нее требовалось только одно – не подавиться.

Глава 6

Страдал ли я? Да. Страдал. Но кроме меня мои душевные переживания никто не замечал. Да и кому они были не нужны? Других родственников кроме жены у меня не было. Родителей своих я не знал, воспитываясь в детском доме. Братьев и сестер у меня никогда не было. По крайней мере о них я ничего не знал. Поэтому если кто и оставался, кто мог мне хоть как-то сопереживать, то получается это моя супруга. Ну или уже получается, любая из тех жен, которые были со мной на какой-то определенный жизненный период.

Но что самое удивительное – никто из этих женщин не были способны на страдание. И если где они и выражали свои чувства – в постели. Хотя и там они страдали главным образом от опасения что их не доедут до конца. (Подобное опасение никогда не подтверждалось. Если я принимался за дело – то трахал всех этих милых дам до тех пор, пока они не начинали дымиться от накала страстей. И что уж точно, я следил чтобы перед тем как

мне кончить мои женщины испытали многочисленные оргазмы. Так что в этом плане было все под контролем.)

Глава 7

Марина. С этой женщиной я познакомился когда мне уже было тридцать. Ей? Не знаю. Должно быть или чуть больше, или совсем не намного меньше. Все попытки узнать ее возраст (вплоть до прямого вопроса, или желания заглянуть в ее паспорт) заканчивались ничем. Причем паспорта у нее и вовсе не было. Или был – но фальшивый. Потому что фото там было совсем другой женщины, нежели чем той, что спала со мной. Хотя, все что касалось постели было весьма и весьма условным. Вернее, *это* случалось между нами где угодно, но только не в постели. Да казалось Марина и вовсе не знала о том, что можно лечь в постель и нормально поебаться. Как и вообще куда-нибудь лечь. Нет. Она готова была принимать любые позы, пользовалась любыми ухищрениями, но чтобы только все произошло где угодно. Где угодно, только не в постели. А мне так иногда хотелось чтобы она просто легла на спину, раздвинула свои длинные (надо сказать, очень длинные) ноги и пустила мой эрегированный орган любви в свое лоно, с набухшими от возбуждения губами. Ну или, в ее случае, можно было повернуться на живот, уткнувшись в подушку красивым (необычайно красивым) лицом, и предоставить мне самому намечать план дальнейших действий.

Нет. Вместо этого Марина все время находилась во власти каких-то жутких экспериментов. Я мог ее брать стоя, сидя, даже полулежа. Но только не лежа. И только не в постели. Мы и спали-то порознь. В разных комнатах. Несмотря на то, что как и все мои предыдущие женщины, Марина переехала ко мне сразу после заключения между нами брака. Условного брака. Потому как я уже говорил, ни с кем и никогда я не расписывался. Все было условно. Хотя... Хотя в случае с Мариной произошло нечто странное. И по ее словам – официальное заключение брака между нами все же произошло. И хотя никаких документов она мне не показывала, почему-то я верил что это так. А как это произошло? Да весьма любопытно. Марина напоила меня какой-то гадостью. Потом изнасиловала. А на следующий день напоила и изнасиловала вновь. После чего, по ее словам, отвезла в загс. На своей «альфа-ромео». Которую, по ее словам, ей подарил один из ее бывших любовников. А может и не бывших. Потому что у меня были все основания предполагать что в то время когда я уже жил с ней, она продолжаться встречаться с кем-то еще. Хотя и встречаться это видимо все же весьма и весьма условно. Притом что сами встречи конечно были. Если можно назвать встречами тот откровенный секс с кнутами и пряниками, который практиковала эта женщина.

Причем, что до кнута – так он был в реальности. А пряник... Минет она делала так, что можно было забыть и о пряниках, и обо всем другом. Притом что вполне можно было и есть эти самые пряники, когда вам делают минет. Это уже дело индивидуальное.

Первый раз все между нами случилось на вечеринке, ровно через пять минут после того как нас представили друг другу.

После чего все как-то быстро разошлись. А Марина (я тогда и имя-то ее не запомнил) буквально разорвала меня, когда я – после всхлипов, причитаний, плача, ударов, властных окриков, рыданий, стонов и еще черт знает чего – смог наконец-то извергнуть в нее то что накопилось, тем самым принеся успокоение себе, но не ей; потому что через время ей захотелось еще. У меня вроде как получилось. И почти все точно так же как и в первый раз. Но когда она опять захотела «еще» -- я махнул рукой. Пошутив что, мол, «еще» -- это с другими.

Но у меня еще не успела догореть сигарета, как где-то в прихожей я услышал все те же звуки, которые совсем недавно издавал я. И выглянув (любопытство, черт возьми), увидел как Марина «насилует» другого мужчину. Точнее – мужчин было двое. На одном она сидела. А другого заставила стать перед ней и предоставить в ее распоряжение свой член. И все. Все остальное она делала сама. Возбуждаясь от стонов извивающихся мужиков и кончая, кончая, кончая.

А когда кончили они, она выгнала их из квартиры. Предварительно отхлестав розгами. И дала команду убираться гостям (которых до этого закрыла в одной из комнат). А когда вместе с гостями (бочком... бочком...) хотел было проскользнуть и я, Марина встала передо мной, и опустив глаза, призналась мне в любви.

У меня даже не было времени на размышления. В тот же вечер она напоила меня. А на другой день мы уже были официально мужем и женой. Причем мой не расторгнутый брак с

предыдущей женой расторгли задним числом. У Марины везде были связи. Ее родной брат был министр. А бывший муж – один из вице-губернаторов северной столицы.

.....

.....

Какая была Марина в обычной жизни?

Это для меня до сих пор остается загадкой. Да и рядом со мной Марина находилась не часто. Случалось, она исчезала на несколько дней. А вместо себя приглашала проституток из салона, чтобы, по ее словам, я не скучал.

Хотя иногда она находилась подле меня несколько дней подряд. Обхаживая меня и готовая выполнить любую мою прихоть. Чтобы ее только ее ебали.

А бывало наоборот. Она никуда не отпускала меня, заковывала в наручники и насиловала. Поила и кормила какой-то гадостью, после чего мой член не опускался в течении нескольких суток, и самым извращенным образом насиловала. Заставляла ебать себя. Я и ебал. А что мне еще оставалось?

Марина представляла собой вулкан какой-то неограниченной энергии и сексуальной страсти. И за время нашей совместной жизни я так и не понял, что же происходит на самом деле, в реальности. Потому как все время вокруг меня была какая-то исключительная ирреальность. Ни больше ни меньше.

Глава 8

Видимо после нескольких браков я стал подозревать, что главная причина каких-то несчастий заключалась именно во мне.

В один момент мне становилось понятно, что я не могу без какой-то своей (на тот момент) женщины. И почти точно также (через время) мне становилось понятно, что с этой женщиной я больше тоже не могу. А если что и держало нас – только секс. Притом что даже секс через время уже не мог сдерживать те порывы ненависти друг к другу, которыми мы переполнялись в период между нашими оргиями. Оргиями, во время которых забывали обо всем.

И уже стала вырисовываться какая-то нехорошая тенденция. Ибо я как бы вывел для себя, что почти сразу после получения удовольствия – возникает и апатия и ненависть. Или сначала ненависть, а потом апатия. И не существовало тогда человека, которого бы я ненавидел больше всего. И почти точно также кто-то из них (жен) думал обо мне. А мне хотелось убить их. А они, наверное, в своих снах – убивали меня. И ни для кого из нас не было ничего ужаснее, чем все это.

И это было так же верно, как и то, что никто из нас ничего не мог поделать с этим. Разве что... Развестись? Так мы и расходились. Чтобы потом внезапно встретиться, и как ни в чем не бывало наброситься друг на друга, отдав друг другу все то, что накопилось за эти годы, месяцы, дни – бесстрастного существования.

И я ничего не мог с собой поделать. И где-то в глубине души мечтал, чтобы это продолжалось вечно. А когда между нами уже все случилось – я ненавидел себя. Потому что все это мне казалось малодушием. И моей – на тот момент еще жене – наверное тоже.

Что я мог поделать? Ничего. Мне надо было изменять себя. И этого не очень хотелось.

И только уже после тридцати стало понятно, что необходимо менять «все»! И я действительно стал изменяться. Чтобы больше никогда не повторялось все то, что со мной когда-то происходило.

.....
.....

Пятую мою жену звали Маша. Ростом она была чуть выше меня. Невероятно худая, с неразвитой грудью и такой же неопределенной попой, Маша предпочитала исключительно анальный секс. И если на что-то еще и соглашалась, то лишь только, поломавшись для приличия, взять своими всегда наманекюрными пальчиками мой сгоравший от желания член, и быстро-быстро (при этом ее лицо оставалось безучастным) начать движения вверх-вниз. Причем даже когда я ей откровенно намекал что «вот-вот все произойдет», она не переставала свои движения. В результате чего все накопленной во мне изливалось куда угодно, только не в ее рот, куда, собственно, в моей воображении это и предназначалось.

Тогда я закуривал, и откровенно разглядывал ее тело, ожидая момента когда во мне вновь вспыхнет возбуждение. После чего уже без всяких сантиментов разворачивал Машу к себе спиной, наклонял, и введя член между ее ягодиц – начинал любить эту своенравную особу, по периодическим всхлипываниям ее замечая что ей это нравится.

Хотя в большинстве случаев она молчала. И вы могли делать что угодно, а ее губы все равно не проронят ни слова. А ее лицо сохранит все тот же безучастный вид. Словно бы ничего не происходит. День сменяет ночь. А ночь – день. И вообще жизнь течет по привычному кругу. И лишь только кого-то в это время ебет.

Она даже кончала молча. И оборачивалась лишь только для того, чтобы я видел, что на ее губах все же появилась улыбка.

А потом ее лицо вновь принимало безучастный вид. И на немой вопрос «еще»? отвечала получив «нет», улыбалась еще раз, и с чувством выполненного долга уходила в ванную. А у меня все время появлялась одна и та же мысль: нормально ли все это?

«Нормально»,-- отвечал я сам себе. И ждал следующего дня, когда все должно было случиться вновь. Мне отчего-то хотелось верить что в следующий раз будет все по другому.

А случалось я смотрел телевизор или читал, а Маша подходила ко мне, и просила «войти в нее – и продолжать заниматься своими делами дальше». Она находила какое-то особенное удовольствие когда тот, с кем она занимается любовью

не думал о том что он делает. Как бы даже не замечал того, где внезапно оказался его член. И лишь только с приближением Машиного оргазма я иногда замечал, как она своими ягодицами все больше насаживается на мой член. И мне становилось приятно, что я был участником такой вот формы любви.

И все же вопросы у меня возникали все чаще. Что было бы, будь на мечте меня кто-то другой? Столь же безучастно Маша отдавалась бы ему? Или же ее лицо хоть что-нибудь, да выражало бы?..

Не знаю. Вопросы были, по сути, вызваны исключительно моим нездоровым интересом. Это я понимал и сам. Хотя и понимал не всегда. И иногда после вопросов следовали мучительные попытки разрешения их.

.....
.....

Иногда мне хотелось скрыться от всех. В такие минуты я как-то быстро начинал тяготиться присутствием хоть кого-то рядом с собой. Но у Маши была удивительная способность разрешать мои душевные конфликты, предчувствуя их, в большинстве случаев, на стадии появления. И тогда словно бы неожиданно для меня мой член оказывался зажат между ее пальчиков, которыми она принималась перебирать, настраивая инструмент. Но и когда «инструмент» уже был «настроен», Маша словно бы не замечая этого продолжала заниматься тем же. Пока в

ее чудную голову не приходило озарение, и повернувшись ко мне спиной, она аккуратно насаживалась на мой пенис; сначала медленно, пока он не входил в нее полностью, а потом, оперевшись руками на любой предмет интерьера, который был на тот момент перед ней, Маша принималась с неистовостью заправской наездницы увеличивать темп, словно бы умоляя меня не двигаться: она все сделает сама.

.....

.....

Машины сексуальные фантазии вносили разнообразие в мою жизнь. И я в принципе понимал, что продиктованы они исключительно тем состоянием психики, во власти которой она находилась в тот момент. И могу даже сказать, что Машина безучастность действительно вносила достаточно важный контраст в мою сексуальную жизнь. Ту самую жизнь, в которой недостатка в партнершах у меня никогда не было. При том что всегда мной ценились те, кто своим необъемным отношением к сексу смог бы не только внести разнообразие, но и как-то развеять мои, периодически бывавшие безрадостными, мысли. Мысли, от которых я избавлялся сексом. Хотя я и понимая, что это на самом деле обман. Ибо если мы прекращаем думать о проблеме – это совсем не значит, что этой проблемы больше не существует. (Да и куда она может исчезнуть?) И наше нежелание разрешать ее сейчас – означает лишь то, что мы к ней вернемся позже. Да так на самом деле и будет. А пока... А пока можно было наслаждаться любовью с Машей. И я действительно любил ее. Причем имел

возможность любить всегда, когда только возникало у меня желание. Независимо от того, где мы на тот момент находились. В разумных пределах, разумеется. Про кинотеатр понятно. Там все возможно. Стоит только засмотреться сюжетом, как вы уже чувствуете разливавшуюся по телу усталость; потому что кто-то взял одну из частей вашего тела себе в рот, и принялся с таким остервенением обсасывать ее, что понимаешь, что и кино досмотреть уже не удастся, и кричать-стонать и вообще как-то выражать свои эмоции неудобно; и вы только поглядываете вниз, на эту шапку волос, с заплетенными косичками, которая оказалась перед вами, а потом вы уже и вообще ничего не думаете; и быть может кричите и стонете; а самое главное – выпускаете все то, что накапливалось доселе в вас – прямо сквозь эти в меру упругие губы, которыми Маша удерживает пульсирующий орган любви ее любимого мужчины. Ощущая на своей голове его теплые ладошки, которыми он прижимает ее голову еще ниже, словно бы хочет чтобы она заглотила не только весь член (который с трудом обхватывает наполовину), но и вообще, вероятно, чтобы максимально слиться с ним.

И она принимает все, что отдает он ей. И после всего – целует, словно бы в благодарность, все еще сохраняющий упругость член мужчины; какое-то время было изучающее рассматривает его, но в этот момент экран вспыхивает какой-нибудь уж слишком светлой панорамой, и кто-то из соседей удивленно смотрит на нее, а потом, опомнившись, убирает взгляд. В то время как кто-то из других соседей уже давно наблюдает за действиями девушек. И пока она еще проделывала манипуляции своими губами, обхватив член, он, сосед, уже все закончил. И его

рука ощущает на себе теплую жидкость; но это совсем ничего. Главное что все получилось. А у партнера сосущей женщины пока не получается. И понимает сосед, что вполне может быть если бы сосали у него, он бы тоже не спешил кончить. Потому что это такое наслаждение когда у вас сосут. Да что тут говорить...

Во время походов в кинотеатр между нами почти всегда случался секс. Это было в порядке вещей. Искоса я наблюдал как тем же самым занимаются некоторые из наших соседей по залу. Но даже если бы все смотрели только кино, я бы все равно занимался этим. Потому что когда Маша начинала сосать ме уже было действительно все равно. И я был доволен. Потому что за время просмотра получал как минимум двойное удовольствие. И от кино, и от минета Маши. А еще я получал бессознательное удовольствие от того, что кое кто из не в меру любопытных зрителей наблюдает за нами. И, признаюсь, иногда я даже готов был оказаться на их месте. Чтобы понаблюдать за тем как Маша будет делать минет им.

А потом я в своем воображении шел еще дальше. И представлял как бедра, которые обхватывал я – будут обхватывать еще кто-то другой. Как груди, которые целовал я – будут набухать своими сосками под поцелуями другого. Как кто-то другой будет проникать в Машу своим членом. И, по сути, главное ведь, чтобы человек был хороший. Да и внешне был симпатичен.

Но всего этого с Машей я не увидел. Потому что это должно было произойти со Светой. Моей следующей женой.

Глава 9

Света была моей шестой женой. Но какая-то нумерация, конечно же, ни о чем не должна была говорить. Да и о чем она могла сказать? Ведь Света – на тот момент – для меня была единственная любимая женщина.

Было мне уже сорок три, а ей тридцать три. Внешне она ничем практически не отличалась от всех моих предыдущих жен и вообще любимых женщин. Хотя здесь, по видимому, все же следует сделать небольшое отступление. Потому как хочу заметить, что на самом деле следует условно разделить всех женщин, которые в разный период жизни были со мной, как минимум на две группы. По внешнему виду. Первые – невысокого роста и обычного телосложения, даже быть может чуть полноватые; и вторые – длинные и худые. У первых – объемные груди и повышенная сексуальная возбудимость. У вторых – возбуждение уже не такое. Но зато они всегда готовы на эксперимент. И более спокойно относятся к мужским неудачам (после перепооя, например, или слишком длительных занятий все тем же сексом). Ну наверное они и более образованны. Если рассматривать в целом.

Зато первые – действительно более сексуальны. И проще. Их можно трахать без всяких сантиментов, достаточно только подловить, зажав в угол, поднять юбку, платье, приспустить брюки – и уже о дальнейшем можно было не беспокоиться. Они сами все сделают так как надо. И будут и направлять вас, и подставлять все то, куда вы должны будете проникать, и даже

звучи они будут издавать какие-то особые, направленные исключительно для поддержания в вас сексуального возбуждения, которое и им ведь необходимо. Хотя бы потому что вошли они в раж. И теперь остановить их можно было только одним способом: оттрахав их основательно. И даже больше этого. Так, чтобы они уже не то что ходить, а и говорить бы не могли. Да и после этого еще какое-то время следовало не останавливаться. И только после этого можно было вытащить свой давно уже истекающий всеми соками член, и вставив его в рот обессиленной красотке – выпустить кульминацию страсти.

А можно и не вынимать. И тогда уже кончать в ту часть, где вы были доселе.

Что это была за часть? Все просто. Место выброса десанта из сперматозоидов у двух групп различалось. Первый тип женин особым изыском не отличался. Они вполне довольствовались вашим проникновениям в них в позиции их лежа на спине. И надо признать, вполне получали при этом удовольствие. Тогда как вторая категория дам казалась более изобретательнее. И по особенному сильный оргазм они испытывали от вашего проникновения между их маленькими и упругими ягодицами. Причем чем ваш член там находился дольше, тем возбуждались дамы еще больше. И я иной раз ловил себя на мысли: может мне и не кончать вовсе?

.....
.....

Света принадлежала к первому типу женщин. Невысокого роста, с объемной грудью и сексуальной улыбкой, она, казалось, была рождена для секса. И предавалась ему с большим удовольствием, чем каким-то своим другим обязанностям: стирать да готовить, например. Я даже не смог отправить ее на какую-нибудь работу. Причем не потому что она этого не хотела (хотя и не хотела). Отправить ее на работу означало согласиться с тем, что она будет с присущей ей самоотдачей отдаваться начальнику или коллегам по работе. И это были не мои какие-то и фантазии. А я сам был свидетелем того, как Света делала минет своему начальнику (когда я с ней познакомился, Света работала продавцом). При этом другой ее начальник – смотрел на все это и дробил.

Что я мог поделаться? Решив как-то заехать за ней после работы (когда заезжать как раз был не должен), я толкнул открытую дверь (магазин еще работал) и спустился по ступенькам в подвал, где и размещался магазин.

За прилавком я заметил Макса, молодого парня, который помогал кому-то из основных продавцов находить разные мелочи. Магазин торговал старыми вещами.

Вопросительно посмотрев на парня и отметив его смущение, я прошел сразу в подсобку.

Светы там не оказалось.

И тут я вспомнил, что перед входом стоял какой-то джип. Не медля ни секунды я уже сделал несколько шагов к кабинету директора магазина (одну из комнат в подвале, как я знал, арендаторы перестроили под кабинет), как практически сразу услышал раздающиеся оттуда то ли стоны то ли голоса.

Я сразу все понял. Причем, стоило мне только, слегка приоткрыв дверь, заглянуть вовнутрь,-- чтобы я уже не сомневался, что все что я наблюдаю – происходит исключительно с согласия, а то быть может и по инициативе моей супруги.

Так уже было не раз.

Она изменяла мне при каждом удобном случае. Причем самое интересное заключалось в том, что она-то в этом напрямую была и неповинна. Как будто неодолимая сила заставляла ее раздвигать ноги перед первым встречным; кто, по ее мнению, обладал первозданной силой, необходимой для удовлетворения ее разбушевавшейся плоти.

Нет, конечно, если рядом оказывался я – я ее и удовлетворял. Почти часами трудясь над ее станком, пока наконец не замечал, что Света подо мной начинает успокаиваться, разрядившись очередным оргазмом.

Ну а когда меня рядом не было – следовало, как говорить, принимать как должное то, что будет происходить со Светланой. Тем более, что мне было известно что с не будет происходить. Она просто спровоцирует кого-нибудь на секс с ней. И так как мало кто из мужчин способен устоять (психическая составляющую сексуального желания обычно достаточно легко подчиняет мозг), то особой новостью это для меня не было.

И мне оставалось только констатировать факт.

Причем я действительно был уверен, что сама Света в таких случаях была как будто бы и ни при чем. Она ведь и сама не раз признавалась мне что все происходит без ее ведома. Какой-то проблемой для меня было проверить это. Но как я мог это сделать? Да и нужно ли?

И лишь чтобы хоть как-то контролировать ситуацию – я освободил Свету от всякой работы. Теперь она постоянно находилась дома. И каждый день к нам обязательно кто-то приходил – для совместного со мной удовлетворения моей жены. Это притом что по утрам я как обычно отпахивал на ней около часа. А днем она занималась удовлетворением себя в нашем джакузи. А вот вечером... Вечером я и какая-нибудь подруга или друг (выписанные Светой на мои деньги из соответствующей фирмы по оказанию подобного рода услуг) – трахали, снова трахали, и все трахали и трахали эту ненасытную блядь. Пока мне со временем все не надоедало. И сначала я сошел с дистанции сам. (Предоставляя возможность Светлане самой находить себе сексуальных партнеров.) А потом, психанув после ее очередного блядства, позвонил брату (давно уже предлагавшему помощь), и он прислал бригаду санитаров, которые и привезли ее к нему. А он закрыл Свету сначала на год, а потом продлил этот срок еще на два года – у себя. Брат был психиатр. Директор клиники.

Пару раз я было приезжал навещать Свету. Неодолимая сила поначалу тянула меня к ней. И мы ебались как кролики, забыв про все на свете.

Но оказалось что брат был категорически против. И однажды довольно жестко сказал, что если я не оставлю свои попытки навещать ее – то он сам закроет и меня. В отделении для буйных. Так сказать по родственному.

И тогда я, улыбнувшись, махнул рукой, и больше не приезжал. Через какое-то время забыв про Свету.

Тем более я к тому времени уже женился вновь.

Глава 10

Две мои следующие жены были в чем-то схожи. Мне даже казалось, что я выбрал вторую – только лишь потому, что осталась какая-то незавершенность с первой.

Они даже внешне были схожи. Обе невысокого роста. Обе сексуальные и блядливые.

И уже видимо эта их интимная особенность не позволяла Людмиле и Олесе (так их звали) удерживать себя в рамках надлежащего приличия.

Их захлестывал секс. Секс в самых извращенно-раскрепощенных вариациях.

И они отдавались ему с таким остервенением, что уже при первой нашей встрече я понял: я у этих девушек я не первый и не последний. Притом что в постели с нами постоянно должен был пребывать кто-то еще.

Сначала я этому немного смущался. Но потом понял, что если они этого хотят – то пусть так и будет. Тем более что третьим – всегда была женщина. И у Людмилы и у Олеси была какая-то удивительная страсть видеть как в присутствии их трахают еще какую-нибудь даму. Причем случалось так, что Людмила (чуть позже не смогла удержаться от этого и Олеся) мне помогала. И уже краем глаза я замечал, что фаллоимитатор в руках девушки (Люде и Олесе было по двадцать с небольшим. Мне к тому времени уже было далеко за сорок) двигался даже намного

быстрее, чем это мог быть член мужчины в жизни. Хотя, с другой стороны, это ведь тоже была жизнь. Просто – достаточно уникальная интимная жизнь.

И еще. Уже наверное понятно, что я просто невольно объединяю сейчас Людмилу и Олеся только из-за их схожести. На самом деле они даже не знали друг друга. И описывая одну из них, вы можете быть уверены, что нечто похожее происходило и с другой.

Одно время я даже забавлялся, создавая Олеся те же условия, в которых оказывалась когда-то Люда. И на удивление, Олеся вела себя точно также, как до того вела себя Люда. Ни больше ни меньше. Но я же говорил, что они были очень похожи...

.....
.....

Конечно же, я уже был как бы подготовлен к подобному своими предыдущими браками. Поэтому какого-то большого удивления не испытывал. Хот и иной раз природное любопытство брало свое. И я, наблюдая как изменялся кто-то из них в постели, уже чуть ли не убеждал себя в том что это и хорошо. Что то что происходит, должно происходить именно так, а не иначе. И не потому, что иначе невозможно. А потому, что я уже не мог без этого.

Мне как бы уже не хватало именно этого напора страсти. Я словно сам себя постепенно загонял, и... действительно не мог без этого.

Притом что давно уже мне следовало сказать: все мои жены – было мое самое настоящее несчастье. Ибо это только на первый взгляд создавалось впечатление, что мне все нравилось.

На самом деле подобного не было. Просто выходило так, что я уже не мог без того, чтобы не делать хуже себе. Мне почему-то казалось, что в общении с женщинами (такого рода общении) я находил некое особое удовлетворение. Причем это было только физическое удовлетворение. О моральном не могло быть и речи. Ибо почти уже с первых шагов (стоило только жениться) во мне все протестовало. А я уже всячески старался отвязаться от своих дам.

Но не мог. Быть может потому, что не был способен найти в себе силы для подобного разговора.

Нечто схожее наблюдалось в моем занятии бизнесом. Я ненавидел его. Мне намного ближе была музыка.

Но без своего бизнеса я уже не мог. Так же как не мог и без музыки. И уже то, что мне приходилось заниматься черт знает чем, но только не музыкой, я относил к категории чего-то временного. Того, которым, верил, перестану заниматься в самом ближайшем времени.

Вот правда сроки все время отдалялись. И с этим я уже не мог ничего поделать. Вынужденно (а что мне еще оставалось?) убеждая себя, что когда-нибудь наступит момент, когда я смогу бросить бизнес. И наконец-то заняться любимым делом.

Делом, без которого не мог.

Но всякий раз я оттягивал свое возвращение. Мне казалось что еще немного, и все возвратится на круги своя. А я наконец-то смогу забыть коммерцию. Которая мне была противна...

2 часть.

Смерть.

Глава 1

Мне вдруг расхотелось жить.

Не сказать, чтобы это так подступило внезапно. Скорее всего подкатывало незаметно, не спеша, и словно готовя меня. Но вот так ли я готов был убить себя? Нет. Скорее всего нет. Тогда что же? Почему во все мои мысли периодически вмешивалось нечто подобное (желание? мысль? утверждение?.. утверждение...)

Но я не знал, почему должно было произойти именно так. Я боялся этого знать. Скорее всего, действительно боялся.

Да и мог ли я смириться с мыслью, что это должно было непременно произойти? Вряд ли. Не знаю. Боюсь знать. Настало то время, когда я просто стал опасаться знать слишком много из того, что знать как бы был обязан. И не мог с этим смириться.

И не мог противостоять этому. Боялся. Я боялся сделать что-то, что нарушило бы звенья единой (складывающейся

независимо от меня) цепи событий, в которых именно я должен был принимать непререкаемое участие.

И тогда мне хотелось просто убежать от себя. Скрыться. Скрыться от своих мыслей. Но возможно ли это?..

Глава 2

Евгению был двадцать один год. Длинные, спадающие до плеч, светлые волосы. Тонкая талия. Небольшой рост. Чуть раскосые глаза. Худенькая.

Евгения была моя любовница. У меня ведь были еще любовницы. Иногда они существовали одновременно с существованием в моей жизни жен. Как бы параллельно с ними. И никогда друг с другом не встречаясь.

Иногда они как бы существовали отдельно. В тот незначительный период, когда я жил один. То есть как бы в «перерывах» между моими браками – у меня были еще любовницы. Хотя, какие же это тогда любовницы? Просто любимые женщины. Женщины, с которыми я по каким-то причинам не вступал в брак.

Причем, никаких причин на самом деле не было. Просто так получалось, что не поженились. И даже не жили вместе. А просто встречались.

Странно... Действительно странно. Но такой уже был я. И такова была моя жизнь. Жизнь, в который я существовал. Существовал, потому что когда в моей жизни были

«любовницы»,-- я и не жил вовсе. А именно существовал. Ну, так уж выходило. И от меня как будто бы ничего и не зависело.

Почему? Да и сам не знаю. Или опять же – боюсь знать. Что-то говорит мне, что знать этого не следует. А значит... а значит, как минимум, я должен существовать так же, как и до этого. Но вот что-то мне действительно говорит, что так уже не получится.

И самое любопытное на самом деле было не это.

А все дело в том, что все те девушки, которые в разный период моей жизни являлись моими любовницами... с ними происходили события, которые я уже действительно не мог предотвратить.

С ними что-то происходило.

Что? Они...

Нет. Что-то говорит мне о том, что торопить события не стоит. Потому как умирали они не все. Да и не умирали сами. А всегда происходил какой-то несчастный случай. В результате которого они могли умереть. А могли и выжить. Причем, почему в одном случае приходила смерть, а в другом нет – я до сих пор так и не понял. И быть может сейчас и пришло время разобраться? А мне необходимо вспомнить все по порядку. С чего все началось. И когда случилось так, что я стал действительно задумываться об этом.

И тогда уже все мое повествование есть не иначе как попытка разобраться в этом.

Глава 3

С Евгенией у меня все произошло как-то слишком быстро. Впрочем, как наверное и вообще все в моей жизни. Все события начинались как бы изначально, заранее, тогда когда только приходило какое-то предчувствование их, и они почти тот час же случались. А мне оставалось только констатировать факт свершения их.

В один из дней, когда началась уже вторая половина этого дня, а я вышел из лекционной аудитории института, в который только недавно перевелся, а сейчас было мое первое занятие, я направился по аллее парка вместе с несколькими своими новыми однокурсниками, большую часть из которых и не запомнил как зовут. И вдруг один парень (шедший в окружении двух девушек) предлагает пойти отметить знакомство в пивном баре. Я было стал отказываться, но неожиданно меня стали упрашивать уже девушки. Причем у них была такая внешность, что я бы с удовольствием переспал с обоими. И тут же.

Но тут же не пришлось. А все получилось после того как мы уже посидели (что уж говорить что я согласился), и я отправился провожать одну из них. С которой – как оказалось – мы жили в одном районе (разница – пара остановок).

Было раннее лето. Взяв еще по бутылке пива мы устроились на лавочке стадиона (который как раз находился между нашими домами). И за разговорами я даже не заметил

(вроде как на минуту отвлекся, подумав о чем-то своем) как Евгения с улыбкой присела мне на колени и стала там ерзать.

--Надо было мне тогда кое-что высвободить,-- пошутил я, жалея что усилия девушки пропадают напрасно (ей восемнадцать, мне двадцать два).

--Зачем, я могу и так,-- ответила она, сползла с колен, стала на свои, наклонилась, высвободила, взяла, и довела до финала, после чего вытерла губы и закурила.

Мне было как-то неудобно не пригласить ее на следующий день к себе домой. Она пришла. И подтвердила мои предчувствия (сновидение – в предвкушении), отдаваясь мне с таким наслаждением, что я уже подумал, что более страстной любовницы у меня никогда не будет.

Был молод. Ошибался. А у Евгении, как оказалось, существует и табу. Заключающееся в том, что я мог брать ее сзади, но не должен был проникать выше того места, куда имел желание, но всякий раз останавливался, сраженный ее недоуменным полуразворотом головы и скашиванием бровей.

.....
.....

Евгения погибла вместе с родителями, когда небольшой «Ситроен» ее отца оказался подмят «Камазом», полупьяный водитель которого так и не понял что натворил. А когда понял...

.....
.....

Смерть Евгении вполне могла быть для меня первым «звоночком». Но если какая подобная мысль в тот раз и промелькнула передо мной, то она как-то быстро смешалась с другими моими мыслями, которые уже в то время стали приходить достаточно в хаотичном порядке.

После Евгении (я все еще говорю не о женах, а о любовницах) у меня была Полина. Не сразу, конечно. Да и разве бывает это сразу? Я ж не злодей какой, бездушный. И это я только сейчас, подводя некоторый итог своим воспоминаниям, пытаюсь несколько структурировать свою достаточно хаотичную жизнь. И пусть какой-то общий план этой жизни наверное все-таки был; но он все же, вероятно больше напоминал переходные этапы между детством-юностью-началом взрослой жизни – и уже самой взрослой жизнью. Той жизнью, которой живу сейчас. И при этом мне так хочется возвратиться обратно. В то время, когда в моей жизни происходили события, которые быть может больше уже никогда и не произойдут. С такой хаотичностью тогда они сменяли друг друга. А в один час могла вместиться целая жизнь.

.....

.....

Полина погибла, сорвавшись с крыши старого дома, на которую полезла спасать плакавшего – как ей показалось – ребенка. Ну, ей показалось что ребенок оказался на крыше. Полине вообще многое казалось. Но за внутренней подозрительностью и мнительностью стояла такая внешняя

красота тридцатилетней женщины, за которую ей можно было простить многое. А может и все.

Ребенка на крыше не было. Полине действительно показалось. Но уже потом я узнал что когда-то у нее был ребенок. Сын. Который погиб, сорвавшись с крыши. А Полина, которой тогда было чуть больше двадцати – почти год пролежала в больнице. Так до конца и не восстановившись после душевной травмы.

.....
.....

Смерть шла по пятам. А я как будто убежал от нее. И мне снились страшные сны. И я даже не помню, удавалось ли мне - в моих снах – побеждать смерть? Выживать. Иногда я все-таки умирал. И если умирал – то мучительно. Всегда с каким-то надрывом цепляясь за последний кадр исчезающей жизни – я кричал в пустоту. И просыпаясь среди ночи, чуть ли не насильно вливал в себя коньяк,-- чтобы только уснуть. И главным образом, чтобы перед тем как уснуть, мое изможденное подсознание выдало мне какой-то хороший, чистый и светлый –образ. И больше меня не мучили ночные кошмары. А будущее чтобы мне уже не казалось таким пугающим и грустным. А сама жизнь не казалась тягостной и нелепой.

У меня наверное был шанс изменить судьбу. Он и до сих пор еще со мной – этот шанс. И каждый раз, когда какие-то по особенному мучительные мысли накатывают на меня – мне кажется что я еще смогу выжить. И даже изменить судьбу. И

жизнь уже не покажется такой смешной и нерезультативной. А наоборот. У меня все будет хорошо.

.....

.....

...Все будет хорошо... Сколько раз я ловил себя на мысли, что так уже никогда не будет. Что впереди меня ждет пустота. А позади – сплошная яма. В которую вот-вот что-то меня грозит столкнуть. И мне уже ничего не останется, как смириться. Смириться со своим подобным существованием. И быть может если когда и изменится жизнь – то меня уже в этой жизни не будет.

Да мне и не хотелось жить. Я хотел только смерти. Я мечтал о ней. Я жаждал наступления ее. А она... а она как будто бы все время огибала меня. Забирая других. Тех, кто был рядом со мной. И тех кого я любил больше всего.

Глава 4

Надежда была совсем молода, когда я с ней познакомился. Двадцать – двадцать один. От силы двадцать два. А мне уже тридцать семь. Она влюбилась в меня сразу. Несмотря на то, что я на тот момент был женат. И у меня была уже не первая жена.

Думаю, что-то ей и давало уверенность, что я смогу развестись и жениться на ней. И мне стыдно сейчас, что я отчего-то обходил эти углы. Мне просто не хотелось на эту тему

говорить. Хотя я понимал, что моя недосказанность внушает этой девушке дополнительную надежду («Надежде – надежду,-- улынулся я»). А я, получалось, совершал тогда что-то навреде морально-нравственного преступления. А значит... а значит я просто обязан был исправить ситуацию. Ситуацию, которая, в общем-то, уже грозила принять губительные для нас обоих обороты. И я должен был просто объясниться с ней. (А еще лучше – вообще не заводить любовниц, когда есть жены). Тем самым избавляя себя от ненужных страданий.

Но что значит не заводить любовниц? Разве моя я пройти мимо такой девушки как Надя? Она словно ненавязчиво и ни на что не претендуя (пока, впрочем, я не оказался в умело расставленной ловушке) оказывалась все время рядом со мной. Помогая и выслушивая меня, когда мне хотелось с кем-то чем-то поделиться. А жена моя (одна из тех, кто был на тот момент рядом) большей частью была занята собой. Решением каких-то своих проблем. От которых я порядком уставал. Тем более что у моей любовницы никогда никаких проблем не было. А наоборот, она словно была рождена, чтобы решать проблемы других. Помогая от них избавляться. Причем, получалось у нее всегда это самым удивительным образом. Так, словно бы она не прикладывала к этому никакого усилия. А все решал я сам. Но когда уже все заканчивалось – появлялась глубочайшая благодарность и признательность Надежде, за то что она была рядом.

Есть такие люди. От них достаточно только одного. Их существования. И уже основываясь на этом - вы знали, что у вас все получится. Ничто вам не будет мешать. И вы даже, быть

может, справитесь сами. Но отчего-то (где-то в подсознании) будете уверены, что у вас все и получилось-то только из-за того, что рядом с вами была она. В данном случае – Надежда. Которая действительно всегда молча внимала моим каким-то размышлениям. Хлопая своими длинными ресницами и слегка вытаращив (то ли от удивления, то ли от избытка чувств) свои огромные глаза.

«У тебя глаза – как у чебурашки уши»,-- как-то пошутил я. Неудачно, наверное. Потому что Надежда готова была обидеться. И расплакаться. Но она никогда не плакала и никогда не обижалась. Чем наверное и подкупала. Потому как сначала хотелось умолять, чтобы она не плакала и не обижалась. А когда убеждался что она – *не плачет и не обижается* – переполнялся к ней какой-то неестественной благодарностью. И хотелось ее обнять, расцеловать, прижать к себе. Что я, в общем-то, и делал.

Ну а уже после того так как я обнимал и целовал ее, мне почти всегда хотелось и чего-то большего. И тогда я начинал целовать ее уже везде. А она – распаляясь от страсти – делала в ответ все, что бы я испытал максимальное наслаждение. И в сексе между нами была не только физическая, но и духовная составляющая. Ибо физическая – это непосредственно оргазм (как некая завершающая стадия телодвижений). А духовная – это мое ощущение власти. Власти над красивейшей женщиной. Которая отдавала мне себя полностью, без остатка. И которую, как я знал, устраивает в наших отношениях все. (Кроме, разве что, отсутствия брака. Но она была уверена что когда-нибудь состоится и он. А я ее, в общем-то, не разубеждал.)

.....

.....

Надежда тоже погибла. В автокатастрофе. Причем по нелепой случайности она погибла тогда, когда погибнуть в общем-то была не должна. Да и из всех ехавших с ней в микроавтобусе не погиб никто. И только она неудачно ударилась виском, когда маршрутка в которой она ехала сделала по особенному резкий поворот, и в бок ей врезалась «Волга». Все пассажиры остались живы. Да и удар-то оказался не сильный. Но Надежда в этот момент передвигалась по проходу, чтобы выходить сразу после поворота. И когда микроавтобус качнуло от удара, девушка не удержавшись, ударилась виском об какую-то деталь автомобиля. И скончалась тут же, не приходя в сознание.

А я готов был сначала убить себя. Потом водителя маршрутки. Потом водителя «Волги».

А потом просто напился. И пил до того момента, когда уже потребовалось вмешательство врачей. И очнулся только под капельницей.

.....

.....

Мне не хотелось жить. И если я еще продолжал жить, то только убеждая себя что все равно не проживу долго. А раз так – годом раньше, годом позже...

Вот только через время я начинал думать о том, что в один год иногда вмещалась вся жизнь. И когда случалось это -- жить мне не хотелось. Потому что наступало осознание того, что если я буду продолжать жизнь – ничего не изменится. Ну и если не буду – не изменится тоже. А значит...

Глава 5

Смерть, конечно же, шла за мной по пятам. Но уже каждый раз я убегал от нее. А она в ответ – забирала тех, кто был со мною рядом.

И я даже не мог никак это изменить. Конечно, вряд ли в этом случае возможны какие-либо изменения. Мне необходимо было подчиниться действительности. Я в который уж раз убеждал себя что и на самом деле необходимо делать это. Начинать когда-нибудь делать. Ведь быть может чего проще: сначала поддаться, смириться с этой самой действительностью – а потом наоборот – изменить ее. Резко ударить по струнам; так, чтобы окружающая тебя действительность закружилась в каком-то чудовищном танце. Но этот танец совсем бы и не был чудовищным. А был бы он самый, что ни на есть оправданный да необходимый. И если бы это было действительно так, то у меня бы появился (и на самом деле появился) хотя бы незначительный шанс добиться хоть какого-нибудь положительного результата. И ничто бы не мешало мне, в таком случае, наслаждаться этим, пусть и мгновением. Но как будто казалось мне, что это совсем даже и не мгновение. А

будет продолжаться оно если и не вечно, то все равно достаточно долго. И ничто не говорило, что это все может закончиться в одночасье. И уже когда на самом деле заканчивалось (после неожиданной смерти человека, который был рядом),-- мне уже совсем как вроде бы ничего и не оставалось, как...

Но умирать я не хотел. Все время подсознательно стремясь к смерти,-- я словно бы все время старался оставить «на потом» непосредственное исполнение подобного желания.

А потому если смерть и готовилась распахнуть свои объятия, то я всякий раз выскальзывал. И даже недоуменно смотрел на нее: мол, что это ты? Еще ведь рано...

Знает ли кто из нас когда рано, а когда действительно уже пора? В основном мы желаемое – выдаем за действительное. И конечно же никто не знает, когда это по настоящему произойдет. Кому-то хочется – чтобы «не сейчас». А кто-то не может удержаться, чтобы случилось это поскорее. Или устав ждать, или вполне сознательно понимая, что такая жизнь ему не нужна.

А вот как же тогда я? Понимал ли я, что на самом деле жизнь-то мне как вроде бы и не нужна? А я не мог распорядиться ей так, как быть может считал когда-то разумным. Или я все равно продолжал во что-то верить? Словно бы надеясь, что не смогу (пусть и в самый последний момент) изменить судьбу.

.....
.....

Я готов был разрыдаться он переполнявшего меня отчаяния.

В такие моменты я и действительно не хотел жить. «Зачем жить – если все время мучиться?» – вопрошал я себя. И любые мои доводы за «продолжение жизни» казались неуверенными самому мне. И ничто (в такие мгновения) не говорило о том, что продолжать жить надо. Что я просто обязан продолжать жить, чтобы, пусть и страдая, но жить. Продолжать жить. Но ведь жить я не хотел. И истерически смеялся сам над собой. Понимая что это ведь на самом деле только истерика. Ничего больше, кроме как истерика. И что же тогда?

...Я запутывался. Запутывался окончательно. И напивался в хлам. Ведь только это пока еще спасало меня. Как раз именно помогая – выжить. Способствуя – выживанию. Хотя, конечно же, задуматься бы мне: нужна ли такая жизнь? Нет. Не нужна. Но и лишить ее себя – я не мог. Не был способен. Был не в состоянии прекратить свои страдания. И должен был просто продолжать страдать. Подспудно находя именно в этом тривиальное продолжение своего существования.

Глава 6

Карина была роскошная, высокая, полная блондинка. Двадцать два года. Студентка последнего курса факультета международных отношений Санкт-Петербургского Государственного университета. Отличница. Свободно говорит на нескольких языках. Папа – владелец контрольного пакета акций в

ряде крупнейших фирм. Мама – в прошлом фотомоделль, а ныне – модный дизайнер. И все у Карины хорошо. И почти ни в чем не было проблем. Да и вообще у таких людей нет проблем. За исключением одной – психологической. А психологические проблемы у людей круга Карины и ее родителей могут проявляться по-разному. Чаще всего это следствие того груза ответственности, который накладывает на них обстановка, в которой они находятся. Так сказать,-- необходимостью следования определенному стилю. Распространяющемуся на окружающую их жизнь. На круг общения, в котором видимо никто сразу и не обратил внимания, что у девочки случился сбой в психике. И несколько исказилось ее восприятие действительности. А потом... Нет. Внешне это могло еще не выражаться. Карине пока еще удавалось контролировать себя. Держать в руках. И так было в большинстве поступков, которые совершала она. Но вот была часть действий, в выполнении которых у нее был задействован не разум (который в эти моменты был занят чем-то другим), а нечто неизвестное. Неосознанное. То, что скрывалось в глубине души этой девушки. И чему быть может и можно было найти объяснение. Но... Но Карина боялась. А родители пока не замечали. А друзья и приятели вообще не знали. И как-то так выходило, что *об этом* и действительно никто не знал. Да и сама Карина в большинстве случаев не помнила, что же с ней происходило. А происходило то, что она садилась в свой спортивный, белый «Мерседес», и через какое-то время оказывалась в Новгороде. Но въезжала в город уже на «Жигулях» восьмой модели. В которые пересаживалась, заезжая по пути в снимаемый ей коттедж. Где и оставляла одну машину, брала

другую (красную «восьмерку»), заправляла свои роскошные белые волосы под парик (становившись брюнеткой). И одевала какой-то то ли полу-репперовский, то ли полу-байкерский костюм. И всю ночь проводила в этом городе, который выбрала неизвестно почему.

Сама ночь разделялась на два – почти равных отрезка. Первая половина – в ночном клубе. Вторая – в постели с кем-нибудь из посетителей. Случайных. И всегда разных. И только до утра. А утром она с трудом доползала до снимаемой (платила всегда на год вперед, потому как никогда не знала когда приедет) квартиры. Отсыпалась почти до вечера. И следующую ночь уже проводила в каком-нибудь клубе или казино Петербурга. Естественно становившись уже вновь – блондинкой на спортивном «Мерседесе».

И вот об этом обо всем мне рассказал один знакомый. Который – не знаю почему – проследил за ней. И горел, видимо, желанием поделиться имеющейся информацией.

Мне пришлось заплатить ему, чтобы он – чего доброго – не побежал с предложением о покупке информации к самой Карине, или к ее родителям. И вместо него пошел я. К Карине. А она то ли оказалась прирожденной актрисой, то ли действительно не понимала что с ней происходит. Но и я пока не шел дальше в своих расспросах ее. И даже толком не успел предложить свою помощь. Да и какая от меня помощь? Ведь я музыкант, а не психотерапевт.

Но Карина неожиданно влюбилась в меня. А я – в нее. И на какое-то время каждый из нас понял, что больше ему, в принципе, ничего и не нужно. Меня так вообще устраивала такая

шикарная любовница. А она догадывалась, что я со своими многочисленными браками не стану предлагать ей руку и сердце. Потому как это заранее исключалось, имея она такого отца. Да я и не хотел бы иметь такую жену. На все сто процентов Карина устраивала меня только в качестве любовницы. А я устраивал ее. И было только одно, что слегка омрачало наши отношения. Мое предчувствие, что Карину ждет та же судьба, что и остальных моих любовниц. Она должна была погибнуть. И мне не хотелось об этом думать.

Но проходило время, и я уже только об этом думал. И ничего не мог с собой поделать. А Карина... А Карина жила. Жила, и – как я понял – наслаждаясь жизнью. Вот только иногда она куда-то уезжала. Но проходила ночь и день – и она возвращалась. А я даже и не искал ее. И не волновался. Потому что знал, что произойдет все так, как произойти и должно. Независимо от моего желания что-то изменить.

.....
.....

Карина погибла только через год после того как мы расстались. Ее взорвали в машине отца, который вдруг решил вспомнить молодость (раньше он был автогонщиком) и прокатиться на спортивном «Мерседесе» своей дочери, на время поменявшись с ней авто.

Глава 7

Для меня уже давно настал повод задуматься над тем, почему все происходило именно так? Почему умирали те, кто был моими любовницами? Что это было? Совпадение, или какой-то особый знак судьбы, который мне еще до сих пор не удалось разгадать? И почему до сих пор еще жив я? Или, опять же, живы женщины, которые когда-то были моими женами? Ведь они и действительно были живы! Что это у смерти за такая странная *избирательность*?

Я, конечно же, не хотел ни чьей смерти. Смертей в моей жизни и так было достаточно. Более того. После смерти Карины я вообще боялся общаться с женщинами. Уж слишком у них оказывалась нелегкая судьба, после того как они встречали меня.

Но я попал в тиски, из которых даже не знал как выбираться. Потому что к тому времени как взорвалась в машине Карина, я уже жил с другой своей любовницей. Ее звали Софья. Было ей почти сорок. Небольшого роста черноволосая женщина, которая не только любила меня, но и хотела иметь от меня ребенка. Но ребенка от любовницы я бы себе никогда не позволил. Особенно помня судьбу всех их.

К тому же я не мог жениться на Софье (переведя ее в статус жен), потому что к тому времени уже был в очередной раз женат. И мой развод означал бы, что выживет Софья, но умрет... Хотя ведь бывшие жены до сих пор были живы? Но и еще не было так, что бы я бросал кого-то из них – ради другой женщины. Как судьба отреагирует в этом случае?

Я совсем запутал себя. И уже в который уж раз не хотелось жить мне. Но вот так просто взять и уйти я не мог. Хотя бы от того, что должен разобраться с тем, почему со мной все так происходило. И дожидаться того момента, когда прервется цепочка всех этих неожиданных смертей. И вообще я должен дожидаться хоть какого-нибудь конца. Потому что тот, который был сейчас,-- меня не устраивал.

Но ведь я и не знал как и когда для меня все закончится.

И точно также я не мог оставить все как есть.

И тогда я в который уж раз убедил себя, что мне необходимо со всем этим начать разбираться. К чему-то ведь я должен был прийти? Ведь просто не могло быть, чтобы судьба все время отплясывала передо мной пляску смерти. Необходимо было остановить, остановить ее. И как вроде бы ничто не говорило, что у меня что-то не получится. Я словно бы обретал второе дыхание. В своем желании жить. И уже подчинить себе судьбу. А не предоставлять ей каждый раз шанс насмеяться надо мной.

И я начал разбираться, почему так все происходило. А когда уже почти что был близок к разгадке (передо мной было несколько почти равноценных истоков причин, почему все происходило именно так) – я вдруг внезапно потерял контроль над собой. И почти на полгода оказался в психиатрической клинике. И меня лечил мой брат. И больше даже не лечил – а пытался вылечить. Потому что на самом деле все то что было у меня вылечить было невозможно. И прежде всего потому что я не хотел этого. Хотя по большому счету вполне можно было хоть как-то

заглушить мои состояния. Когда окружающие предметы то наслаивались друг на друга, то рассыпались, и мне их приходилось собирать словно мозаику. В своем воображении, разумеется. Потому что я даже не мог говорить о сознании. Сознание с недавних пор не подчинялось мне. И мне вообще уже никто и ничто не подчинялось. И если я еще жил – то только потому, что от меня это по большому счету и не зависело. Да и что я мог поделать? Я вообще на какое-то время получил право не отдавать отчет своим действиям. Мог кричать, бегать по палатке-камере, и вообще вести себя так, как никогда до этого себя не вел. Но мне вероятно очень хотелось. И лишь только сейчас я впервые получил возможность не сдерживать себя. И выплескивать содержимое своего бессознательного тогда, когда мне этого хотелось. В любом, кажущемся подходящим для меня случае. Брат мне даже проституток привозил в клинику. Чтобы хоть как-то унять мою агрессивность. Но потом отказался от подобной практики. Или отказывались они. Хотя что им не хватало. Ведь платил он им по тройной ставке. А то что избиты они оказывались, так некоторые из клиентов их били и так. А кого-то из них еще били и сутенеры. Бесплатно. А я как вроде бы – за деньги. И за относительно большие – для них – деньги. А потом неожиданно проститутки повалили валом. Это были девушки из Молдавии и Украины, приехавшие на заработки в Санкт-Петербург, и найденные по какому-то странному стечению обстоятельств моим братом.

А потом меня выпустили из клиники. Потому что брату вдруг расхотелось быть психиатром. И ему вообще расхотелось

быть кем угодно. У него начались проблемы с идентификацией. И он представлял себя кем угодно, только не моим братом. Ну так ведь он никогда и не был моим братом. Потому что у меня никогда никакого брата и не было. А был один близкий друг, с которым мы стали «названными» братьями. А «названный» это не настоящий. Так что... Так что, что произошло – то и произошло. И никто ни кого и ни в чем не должен был винить. Да мне и не хотелось. Мне словно бы заново необходимо было научиться жить в той жизни, в которой я не особо-то и хотел.

Но разве меня кто-то спрашивал?..

Глава 8

Как же я ненавидел себя за то, что со мной происходило. То, что я всегда хотел, конечно же, предотвратить. И то, что предотвращать было, в общем-то, бесполезно. Не было такой возможности.

И единственно, что могло бы у меня получиться – так это как-то научиться существовать со своими состояниями.

Быть может даже подчинить их себе. Хотя на это я уже не рассчитывал. Ну, по крайней мере, не сейчас. В перспективе.

И важно, что была эта перспектива. Потому что куда намного хуже – бесперспективность чего-то подобного.

Но до этого бы дело не дошло...

Часть 3

Страдание

Глава 1

Так ли мне хотелось страдать?

Нет. Не хотелось. Но не хотелось лишь тогда, когда я находился в сознании. В полном сознании. Когда именно сознание довлело над моим подсознанием. Подчиняло его. И мне становилось легче.

Но так было не всегда. Иной раз мне начинало казаться, что именно подсознание правит бал в моей жизни. Руководит ей. И ничего не оставалось, как смириться с этим. Признать, что все происходящее потому и происходит так, что это кому-то нужно. Кому-то, но не мне. А я и сам не знал что происходит. И что нужно мне. И лишь только когда я начинал понимать что еще чуть-чуть и я окончательно запутаюсь, – только тогда мне внезапно удавалось выкарабкаться из своего состояния. А само состояние – как будто бы уходило. Чтобы, впрочем, через время возвратится вновь.

И мне ничего не оставалось, как смириться с этим. И у меня уже не было другого шанса, чтобы сделать так, что бы так все и осталось. И ни в коем случае не изменялось настолько, что догнать и вернуть свое состояние уже будет невозможно. И останется только констатировать факт – потери его.

Но вряд ли я этого хотел... А мне наверное и вообще стоило признаться, что то состояние, состояние извечного страдания, в котором я находился – мне на самом деле нравилось. И я совсем не хотел от него избавляться. А если бы это когда-нибудь и произошло,-- то уж никак не потому, что хотел или не хотел того я. Видимо существует нечто, где психика живет совсем по другому, своему, расписанию, не подчиняясь никаким законам и порядкам.

Но это все большей частью разговоры. На самом деле был один действительный и непреложный факт: подсознательно я сам стремился к своим состояниям нахождения в извечных страданиях. И не существовало ничего, что могло бы хоть как-то эти мои страдания заглушить. И это несмотря на то, что я – уже сознательно – стремился это сделать. А мне... мне не то чтобы нравилось страдать... Должно быть все же нет... Но так вышло, что я уже и не мог без этого. И примерно где-то в схожем ключе рассматривал жизнь. И самое печальное было то, что мне не хотелось эту жизнь изменять. И пусть что-то меня не устраивало. Казалось, что все-таки что-нибудь да получится. Изменится. Усовершенствуется в моей собственной жизни.

И когда наладится это – тогда все будет действительно хорошо.

.....

.....

Но, конечно же, я не раз пытался выяснить (хотя бы для себя) что такое страдание? Что же оно представляет из себя?

Насколько оно будет способно заполнить, поглотить меня. И что будет, если я начну – хотя бы попытаюсь – с этим бороться.

Не знаю. Иной раз создавалось впечатление, что ничего у меня и не получится. А мои мысли (и проецируемые от них желания) и вовсе безрезультативны.

А иногда наоборот. Мне казалось, что у меня получится все. А сам я смогу избавиться от своих навязчивых мыслей. Навязчивые мысли... Вот то, что обрекало меня на страдания. Когда одновременно с одной, «генеральной линией» – существовали и еще несколько параллельных мыслишек. Каждая из которых в определенные часы (редко когда минуты) претендовала на самостоятельность. И имела все предпосылки, чтобы подчинить меня себе. Заставить *прогонять* внутри своего накаливавшегося от напряжения мозга только ее. И совсем ничего не оставалось, как только действительно пытаться всячески избавиться от нее. От этой *моно-идеи*.

И если у меня это получалось (редко, но получалось), я мог действительно торжествовать победу. Потому что мне казалось, что я избавился от чего-то страшного и ужасного. И если это действительно было так – какое-то время я наслаждался тем, что мог не думать ни о чем.

Это был настоящий праздник. Праздник души. Ибо душа успокаивалась. И ничто не отвлекало мои другие мысли – от завершения их мыслительной деятельности.

.....

.....

Я любил наслаждаться тишиной. Тогда у меня начиналась настоящая умиротворенность. И ничто меня не волновало. Я становился спокоен. По настоящему спокоен. А когда случалось такое,-- в принципе, я был счастлив. Потому как хотя бы на какое-то время смог стать самим собой. Во мне затихала внутренняя борьба. А значит ничто не отвлекало, чтобы просто жить. Жить, не обращая внимание на то, что мозг разрывается от усталости. А глаза буквально вываливаются наружу из-за высочайшего напряжения (являющегося, вероятно, все же следствием высокого давления).

Я становился спокоен. И при этом каждый раз спрашивал себя: надолго ли?

Чаще всего оказывалось что не надолго. Это была моя боль. Настоящая душевная боль, превращающаяся в кровоточивую рану.

И была вечная борьба сознания с подсознанием. И все то страшное и ужасное, что находилось в моем бессознательном – вырвалось наружу. И тогда моему сознанию становилось действительно трудно. Ибо испытывало оно нагрузку, с которой, в общем-то, и не справлялось.

Нет, нет. Ничего такого – совсем уж страшного – в этом не было. Я не лез на стены. Не кусал прохожих. Не бросал камни в проезжавшие автомобили.

Все свое *беспокойство* я сублимировал. Во что угодно. Начиная от женщин (которых я поразительной настойчивостью сначала влюблял в себя, а потом отказывался от их любви) и заканчивая употреблением алкоголя. Который вливал в себя в таких количествах, что кто-то другой давно бы сгорел, а я наоборот – успокаивался.

Ведь мне необходимо было снять душевную боль. Мучения, которые я сам для себя и выдумывал.

И когда действительно у меня получалось – я успокаивался.

Кстати, почему-то я не очень любил совмещать алкоголь с женщинами? Хотя иногда практиковал подобное. А на одном из этапов собственной жизни даже стал испытывать что-то наподобие дискомфорта, если в моем общении с женщинами не было вливаний в себя алкоголя. Притом что и после употребления алкоголя все чаще стало хотеться пообщаться с женщиной. Хотя быть может и не так часто. Потому что алкоголь сам по себе уже привносил в мою жизнь самодостаточность. Настраивал на нужные, хорошие, положительные мысли. А потому как бы женщинам там уже места особого и не было. Так выходило...

Но случалось, я изменял своим правилам. И напившись, вызывал к себе ту или иную знакомую (которых всегда пребывало в достаточном количестве), и общался с ними в таком состоянии. Или спаивая и их. Или же пользуясь... Хотя нет. Обычно все же спаивая.

.....

.....

Да и что такое алкоголь? Это действительно возможность забыть многое. И что-то новое открыть для себя в подсознании мира. Важно только выработать свою культуру бытия. А иначе – зачем пить?

Я пил много. Испытывая при этом настоящее наслаждение. И до сих согласен с утверждением классика, что тот кто, не пьет, -- или больной или дурак. Уж пусть извинят меня те, кто не пьет по каким-то другим причинам. Впрочем, к таким людям я относился с подозрением. В них все-таки не было чего-то такого, что говорило бы мне об уверенности в них. И понимание этого на самом деле намного глубже, чем можно было бы предположить на первый взгляд. Ну, так уж выходило...

Глава 2

В чем, по сути, должны выражаться страдания? Так-то уж следует опасаться их? Опасаться, а значит избегать. Но разве можно избегать того, чего быть может и бояться не стоило?

И я не боялся. Да и чего мне бояться? Я просто жил со своими страданиями. Считая их неотъемлемой частью самого себя. И если бы не было их, то наверное почти тот час же задумался бы я: а почему?

Конечно же я понимаю, что главным образом сам провоцировал возникновение в своей душе тех ран, от которых – в дальнейшем – и изменялась моя жизнь. Я словно бы уже не мог жить какой-нибудь обычной жизнью. Не замечая и половины того, на что обращал внимания я. И если уже это в моем случае бывало возможно, то я даже и не знаю чья великая заслуга была в том. Потому что я обращал внимание на любые мелочи. И мучился от этого самым незавидным для своей психики образом. Так что иногда даже задумывался: почему еще продолжал жить? Ведь по всему – жить я был не должен. Пусть и хотел. Теоретически я могу предположить (практически – я просто не помню), что все-таки хотел продолжения жизни. Наверное каждому из нас будет любопытно узнать, что там впереди. Тем более будущее завораживало своими неизведанными далями...

Это все следствие богатого воображения. И я, конечно же, знаю.

Но вот так получалось, одних знаний-то и не достаточно. Я могу сказать, что это вообще ничто. Главное – не наличие каких-либо знаний, а умение ими правильно пользоваться.

Вероятно, к страданиям можно было отнести и страх. Потому как наличие страха вызывало страдание. Являлось как бы следствием его. И я совсем ничего не мог поделать с этим. И мне как вроде бы следовало только смириться. Ну а насколько готов я был к какому-то смирению?.. Да быть может и не готов. Если учитывать что внутренне (в глубине души) я и вообще готов был лишь к одному смирению.

И мне уже казалось, что ничто не способно отвратить наступление той беды, следствием ожидания которой и являлся, собственно, страх. И ничто не могло избавить меня от этого самого ожидания. Как, впрочем, и от тех навязчивых мыслей, которые все время роились во мне, словно вынуждая следовать одному, и непонятно кем выбранному, плану.

Да я, в общем-то, через какое-то время (прошло как вроде бы совсем незначительное время) боялся вообще думать о чем бы то ни было. Потому как практически любые мысли могли потянуть за собой возникновение таких ужасных последствий, что, в общем-то, уже я бы и не знал, как от них избавиться.

Несерьезно все это было.

Иной раз у меня создавалось впечатление, что все это действительно не серьезно. Что я какой-нибудь маленький мальчик. Который вдруг принял образ взрослого человека, а на самом деле и думает еще по детски, и также по детски пасует перед решением взрослых задач.

И в таком положении (в ощущении таковым себя) я находился достаточно долгое время. И, по сути, нахожусь до сих пор. Просто, быть может, меньше задумываюсь об этом. А то и просто. И как будто бы ничто не говорило о том, что моя жизнь когда-нибудь изменится. В первую очередь вероятно потому, что я сам ее не хотел изменять. Не собирался. Даже быть может, не мог. Но если и предположить что не хотел – то это все было тоже правдой. Ибо я и действительно ничего не хотел. И почти не мог настроить себя – изменить собственную жизнь. У меня почему-то

была уверенность, что я могу изменить собственную жизнь, если, например, перестану относиться к себе с тем предубеждением, с каким относился доселе.

Но разве способен я буду хоть когда-нибудь относиться к себе иначе? Нет. Конечно же, нет. Для того что бы так случилось мне бы потребовалось сначала убить себя, а потом родиться заново. Что, в общем-то, и мало возможно. Если вы, конечно, не являетесь последователем, например, синтоизма (чтобы убить себя), или буддизма (чтобы получить шанс на второе рождение). И японцы и индийцы верят в это. А во что верил я? Ни во что. Боюсь об этом думать. Потому что думать об этом – значит по-прежнему находится в положении погружения в некую ирреальность. В которой, собственно, я и жил. Ну а то что тяжело мне было... Судьба, наверное.

Глава 3

Случалось иногда, что я начинал обижаться на самого себя. Мучительно, больно и неприятно становилось мне тогда. И ничто не помогало выбраться из ситуации измененного состояния сознания, в котором я оказывался. И быть может мне просто необходимо было сменить свое собственное настроение. Начать улыбаться, например. И тогда бы жизнь изменилась.

Но мне не хотелось улыбаться. Намного приятнее было страдать. Находиться в некоем подавленном состоянии. Когда все или раздражало, или я ко всему относился с абсолютным и

равнодушием, и недоверием. Практически ни во что не веря. И тогда...

Нет. Иногда мне действительно не хотелось жить. Но ведь я и не мог просто так закончить свое существование. Я находил некоторое успокоение в своем сознании. Именно страдание как бы оправдывало те события, которые случались со мной в жизни. Именно благодаря страданию я был спокоен, что уже как бы искупаю свою вину. Вину неизвестно перед кем. Но в то, что эта вина была – я верил. И даже, быть может, обязан был жить с ней. С постоянным ощущением чувства вины. От которого не мог избавиться. Потому что избавляться не хотел. И вина, и – как следствие ее – страдание были моей защитой перед тяготами жизни. Я словно бы прятался за них, и мне становилось намного спокойнее, когда они у меня были. И, наверное, отсутствие их я бы и не переменял вовсе.

Такой я был человек. А что поделаешь?..

Глава 4

Мне было тяжело. Мне было очень тяжело ощущать себя сумасшедшим.

И я даже не верил, что это так. Притом что факты как будто говорили и об обратном. И тогда уже мне не оставалось ничего кроме того что, я в общем-то, и дела. То есть жил. Жил, оставаясь таким, каким я в принципе и был. Без особенного

желания измениться. Потому что любые изменения наверняка могли принести что-то новое. А я этого и не хотел и опасался.

Но ведь у меня и не было никакого другого шанса. Да и нужен ли был он? Начни я изменять себя,-- и еще неизвестно что получилось бы после. Да и наверняка бы ничего хорошего из этого не вышло.

И тогда я уже должен был идти лишь по одной дороге. Словно бы уже и не гадая, куда она меня приведет. Да и наверняка ведь куда-нибудь выведет. Вот только знать бы куда?..

.....
.....

Говоря о страдании, о понимании страдания, я, конечно же отдавал отчет, что если допустить, что это касалось меня – от него-то и не так просто будет избавиться. Разве что можно было изменить общее восприятие от страдания. Изменить сам смысл существования его. Сделать страдание как бы не нужным. И уже если это действительно так – то передо мной вполне могла быть и общая схема избавления от страдания. То есть снимаешь эффект от страдания тем что сам избавляешься от роли страдальца. Избавляясь тем самым и от некоторой мазохистской зависимости.

И, конечно же, как только начинает происходить так – уже и страдать вроде как не хочешь. Исчезает удовольствие ощущать себя «униженным и оскорбленным». И ты просто-напросто ищешь какой-то другой способ, как обратить на себя чье-то внимание. А «страдание» уже как вроде бы и не используешь...

Ну а на самом деле, конечно, у меня теперь как бы была подноготная моего страдания. И так получалось, что именно мне страдать больше не хотелось. И тогда... и тогда я начинал страдать за кого-то другого. Все что в этом мире было не так, выбивалось из правил, все это отзывалось в моей душе непрекращавшейся болью. И это только на первый взгляд на это вообще можно было не обращать внимания. И, получалось, и проблемы-то может не существует. А на самом деле – страдая за других, я конечно жил. Начинал жить частично в том числе и их жизнью. И даже быть может – начинал отыгрывать за других их собственные страдания. Не мешая, впрочем, страдать и им. А наверняка даже действуя наравне, одновременно, и нисколько уже не задумываясь, что так быть не должно. Да и почему не должно? Если существовало что-то, что вызывало в моей душе какие-то переживания – то почему, собственно, так и не должно было быть. И от меня требовалось вполне элементарно проявить уважение и человеколюбие. Показать, что есть совесть, наконец. И если так все и действительно было – о чем же тогда, собственно, переживать?

И тогда какое-либо переживание могло быть только в одном – в переживании за совершенные кем-то поступки, свидетелем (пусть и невольным) которых стал. И вот за это ты и вправду должен страдать. Но а почему нет?..

Глава 5

Шевцов, Борис Аркадиевич, смотрел на Васнецова непонимающим взглядом. По его представлению выходило, что мир, который простирался вокруг – Васнецов самым удивительным образом искажал. И искажение это царило абсолютно везде, начиная от каких-то мыслей, только зарождавшихся в голове Васнецова, и заканчивая некоторых его откровенных высказываний. Когда на красное он мог говорить все что угодно (белое, розовое, даже зеленое), но только почему-то не мог признать, что оно было красным. Причем, нечто схожее наблюдалось и с другими цветами. Васнецов вообще, по мнению Шевцова, любил все перепутать. Для него почему-то было важно сбить собеседника в привычного ритма восприятия тем действительности. И как только получалось так, Васнецов мог торжествовать победу. В то время как Шевцов – переживал за этого чудака. И отчаянно старался ему доказать, что тот ошибается.

Был Шевцов художник. И в душе и по профессии. И несмотря на свой невероятно маленький рост – смотрел на жизнь с высоко поднятой головой. И, в том числе, и на всех спутников в своей жизни.

А дело в том, что был Шевцов удивительно общительным человеком. Причем так выходило, что он каким-то необъяснимым образом умудрялся забывать часть своих знакомых. Это ему несколько не мешало знакомиться с ними вновь. А знакомиться он любил. Он запросто подходил к незнакомому доселе человеку, начинал разговаривать с ним, и каким-то ненавязчивым образом умудрялся настолько расположить того к себе, что человек, который еще час-два-три назад даже не знал о существовании

Шевцова – теперь считал его чуть ли не своим лучшим другом. А Шевцов делал все, чтобы его новый знакомый не разуверился в нем.

Но это было лишь одной особенностью Шевцова. Тогда как таких «особенностей» было невероятно большое количество. Он не мог, например, смириться с тем, что день прошел – а в постели с ним не оказалась какая-то новая девушка. И это только поначалу кажется, что так, в общем-то и невозможно. А на самом деле стоит только убедить себя, что это должно быть именно так, стоит только сделать первый шаг, и дальше уже не будете испытывать совершенно никаких трудностей.

А Шевцов... а Шевцов, вступив на путь удовлетворения своей страсти – уже даже и не думал о том, что можно (или вообще – необходимо) с него как-то сворачивать. Было ему тридцать семь. Был он небольшого роста, смугл, по южному красив (папа – грузин, мама – русская). И если кого и могло что-то смущать в нем – так только его фамилия. Но я скажу, что это и не фамилия была вовсе, а псевдоним. А настоящей фамилии его никто не знал. Да и вообще, если честно, мало кто и спрашивал. А если спрашивали – так это, большей частью, происходило из-за того, что нужно было хоть что-то спросить. Нисколько, конечно же, даже и не вникая в услышанный ответ. И... и Шевцов действительно нравился всем. В том числе и Васнецову. Который довольно неожиданно почувствовал в нем родственную душу.

И уже через время настолько проникся к нему доверием, что, казалось, оставалось только удивляться: отчего же не познакомился с ним раньше. Причем, что было удивительно, Шевцов чуть ли не единственный задавал Васнецову вопросы,

услышав кто другой подобные – бежал бы сломя голову от такого человека.

А Шевцова – нет. Выслушивал. И даже, кажется, что-то отвечал. Хотя насколько, конечно, Шевцову были интересны ответы? Мне все-таки казалось, что он всегда главным образом был сфокусирован на вопросе. Для него важно было правильно задать вопрос. И почему-то казалось, что ответ как будто и не особенно важен. (Хотя, замечу, как раз ответ Шевцов всегда выслушивал с таким выражением своего лица, что хотелось тот час же, не теряя ни секунды, доверить ему какую-нибудь государственную тайну. Если бы такую, конечно, знал.)

.....
.....

Шевцов был уникальным человеком. Но столь же уникален был и Васнецов. И вполне можно было сказать, что эти люди нашли друг друга. Хотя... Да я подумал – насколько так считал и Шевцов и Васнецов? Но то что кто-то из них так считал наверняка – факт был, как говорится, неоспоримый. И от него никуда не уйти. Так же как от Шевцова,-- который вдруг самым неожиданным образом стал преследовать Васнецова. Причем если вначале это Васнецову нравилось, потом стало вызывать удивление; еще чуть позже – неприязнь. А к тому времени, когда с момента их знакомства прошло несколько месяцев – Васнецов стал всячески образом избегать Шевцова. Каждый раз находя причину, которая, по его мнению, давала ему право действовать подобным образом. А случалось – Васнецову хотелось и вовсе

убить Шевцова. Ну или хотя бы треснуть по его курчавой голове каким-нибудь тяжелым предметом. Или хотя бы просто съездить по его слащавой мордочке кулаком. Или зашить ему рот. Чтобы это чудовище (как он теперь его называл) замолчало. А еще лучше, и не издавало даже звуков.

Ну а так как звуки можно было издавать и с закрытым ртом – то лучше конечно, было Шевцова убить. Но Васнецов... Васнецов не мог обидеть даже муравья. И всякий раз, когда в нем возникало желание смерти своего бывшего друга – ему приходилось пересиливать себя. И тогда весь негатив уходил вглубь него. Выражаясь в развитии психосимптоматики. Нервного заболевания. Которым и без того мучился Васнецов. И с этим тоже ничего нельзя было поделать.

А чтобы завершить наш разговор о загадочной дружбе двух этих, в общем-то, различных людей – следует признаться, что они действительно дружили. А если быть еще точнее – Васнецов не мог жить без Шевцова. Ну, так уж выходило...

Но самое интересное, что после появления в моей жизни Шевцова, каким-то ненавязчивым образом ее стали заполнять и другие чудачки. Одни из них были чем-то похожи на Шевцова. Другие – наоборот, очень даже отличались. Но, пожалуй, самое любопытное было то, что я без них уже не мог. И все эти люди каким-то ненавязчивым образом не только вторглись в мою жизнь, но и уже получилось так, что они мне были необходимы. Я словно испытывал воодушевление от того, что они были рядом. И, главным образом, не только с ним мне было легко, но и было уже

легко от того, что они присутствовали в моей жизни. Доставляя, уже мог я предположить, какое-то удовольствие и себе. Потому что, вероятней всего, мы готовы общаться с другим из-за наличия нескольких причин. И одной из этих причин является желание как-то помочь себе, уняв – посредством дружбы – собственные страхи, волнения, тревожности, неудобства. И выходит так, что оказывая какую-то поддержку другому человеку, мы как бы получаем еще и возможность зарядиться его энергетикой. И, чтобы до конца уже не погружаться в научную область, просто скажу что нам в этом случае бывает хорошо. Легко. И уже также легко мы общаемся и с другими. Не со всеми, разумеется. Да и все, по большому счету, нам и не нужны. А всегда существует какой-то определенный круг, который словно бы заставляет нас несколько изменять самим себе. Становившись лучше, чем может мы на самом деле и являемся.

Но дело все в том, что после подобного перевоплощения нам и действительно может быть лучше. И уже ничто не изменит отношение наше к этому человеку. Разве что, конечно, он не совершит что-то, что покажется недопустимым и неприемлемым для нас. И тогда мы, конечно же, предпримем все возможное, что бы отдалиться от этого человека. Хотя, замечу, не всегда это и бывает возможно.

.....
.....

И выходило так, что иногда что-то как будто перещелкивалось в моей голове. И нечто удивительно неизведанное внедрялось в мое сознание. Изменяя его.

И я вдруг становился не такой как прежде. И мне не хотелось никого видеть. И я бежал от всех. И убегал туда, где меня действительно не мог никто достать. В собственное бессознательное. И я бродил по лабиринтам души, периодически запутываясь, и теряя направление собственного движения. И никто, конечно же, не мог мне подсказать – где был выход из этого подземного царства. Подземного, потому что в моей душе было всегда темно. И роились там порой самые гнусные желания. Которые мне, впрочем, можно было уже и не обуздывать.

И я наслаждался удовлетворением их. А мне все казалось: еще немного – и все изменится.

Но не изменялось. И не существовало ничего, что заставило бы меня повернуть назад. Вернуться обратно. Хотя бы потому, что, если честно, я ведь и сам наслаждался тем, свидетелем чего являлся. И пусть иногда мне становилось необычайно грустно от присутствия тягостных мыслей, которые неотступно сопровождали меня. Так это было. И мне действительно бывало грустно от этого.

Но и точно так же я не поддавался (заставляя себя не подаваться) всем этим кошмарам разума. Ибо мои мысли и на самом деле являли собой настоящий кошмар разума. Моего разума. Который уже как будто и не казался моим. Не совсем казался. Вовсе не казался. И на каком-то этапе больше не существовало ничего, что заставляло бы меня вообще как-то

реагировать на происходящее. Так же как и причинять страдания всеми этими (новыми, по сути; всякий раз новыми) ощущениями.

И тогда уже я и на самом деле наслаждался тем, что было со мной. И уже мог перестраивать свою жизнь настолько, насколько мне это представлялось и возможным, и желанным. И ничего с этим уже нельзя было поделать. А оставалось только смириться.

Но как только я начинал убеждать себя в этом,-- каждый раз появлялось нечто такое, от чего моя жизнь как будто бы и начинала (тут же) меняться. И тогда уже не существовало ничего, что могло бы потрясти меня. А с другой стороны – существовало столько всего, от чего я мог бы с легкостью превратиться и вовсе в нечто неизведанное, непонятное, и необъяснимо чудовищное. И так это было. И я уже тут ничего не мог изменить. И с этим мне действительно ничего нельзя было поделать. Разве что и вправду смириться...

.....
.....

А иногда начиналось и вовсе невообразимое. Мое сознание тут, конечно же, оказывалось и вовсе бессильно. А все что было вокруг меня (и совсем еще недавно имело вполне четкие линии и границы), теперь становилось расплывчатым; то резко уменьшалось в размерах, отдаляясь от меня, то наоборот – увеличивалось, наслаиваясь на меня, и заставляя в ужасе метаться, опасаясь что оно сможет поглотить меня, раствориться во мне.

Но уже как бы я не убегал от этого, я чувствовал, что сам начинаю растворяться в этом. Причем, все иной раз происходило настолько внезапно, что я уже чувствовал, что это и не я вовсе. А какой-то предмет. Которым я вдруг неожиданно становился. И тогда уже (когда происходило так) я действительно терял границы своего «Я». И становился расплюсчен – этой настилавающейся на меня реальностью.

И уже ничто как будто и не говорило, что мне удастся спастись. А потом вдруг исчезало. И я падал обессиленный. А когда приходили силы – я еще долго болел, чувствуя себя разбитым и опустошенным. Меня словно высосали изнутри. Выкачали все содержимое моего организма. Оставив лишь оболочку.

И не было ничего, что могло бы меня спасти. И мне долгое время было по настоящему плохо. И, если честно, -- я совсем не знал, изменится ли когда-нибудь мое восприятие действительности. Станет ли легче. Но легче, конечно же, не станет.

И лишь только от того, что я как будто просто привыкну к этой своей новой действительности, а ощущение ирреальности происходящего никогда не изменится -- я готов был смириться с этим. Заставив себя жить новой жизнью. Той жизнью, которая теперь у меня была. И которую я должен был принять как должное. Ну, хотя бы потому, что у меня уже и не было иного выхода.

Часть 4.

Детство

Глава 1

У меня были все основания полагать вслед за Фрейдом, что первопричину происходящего со мной надо искать в детстве. Именно там, вероятно, и начало происходить все то, что – уже после – стало непреложным следствием моей жизни. И я ничего не пытался изменять. Потому что, только было задумался об этом, и словно некий знак свыше, ко мне пришло ведение того, что как бы я ни пытался, на самом деле ничего не произойдет. А я лишь только впустую потрачу время. Да и вообще могу еще навредить себе. Хотя... вопрос, наверное, до сих пор открытый. Но с другой стороны,-- как я могу отказываться от того, что могло что-то измениться в моей жизни? Перемены, конечно, не всегда так то уж оправданы. Но в моей ситуации, должно быть, надо было бы использовать любые возможности, чтобы внести в свою жизнь какое-то разнообразие. Разнообразие, которое достигалось порой черт знает чем. И потому мне так хотелось побыстрее вернуться в детство. Чтобы что-то выяснить там,-- после чего возвратиться обратно. Вернуться. Обязательно вернуться. Ибо у меня было не совсем хорошее предчувствие, что произойдет еще какое-то время

– и я могу окунуться в детство уже навсегда. Без попытки какого-либо возвращения обратно.

.....
.....

Итак, детство. Но уже совсем раннее детство я, конечно же, отброшу. Ведь моя исповедь проходит не у психоаналитика. И потому в качестве детства в данном случае я буду рассматривать уже скорее юность. Период среднего и старшего школьного возраста. Когда сексуальные фантазии уже безраздельно господствовали в моей голове. А мне хотелось переспать со своими одноклассницами и просто другими девочками.

И уже наверное оттого, и от одноклассниц и от других девочек я всякий раз отдалялся. Боясь спугнуть их неожиданно возникшим у меня либидо.

И я даже сейчас еще боюсь что-то откровенно писать о своих тогдашних фантазиях. Поэтому с вашего позволения отброшу их. И сразу начну со следствия того, что рождалось в моем сознании в результате подавления этих самых фантазий. Чему виной становились страхи, и некоторая нервозность. Да и конечно же -- неуверенность в себе и главным образом опустошенность, с которой я жил в свои юношеские годы. Причем опустошенность по большому счету далеко не ушла, периодически накатывая на меня и сейчас. И борьба с ней уже как вроде бы и не борьба,-- а вечное страдание. А моя жизнь подчинена как раз избавлению (вечной попытке избавления) от этого страдания.

И я ничего не мог с собой поделать. Я только наивно полагал, что мне когда-нибудь удастся от нее избавиться.

Но что такое эти мои предположения? Ведь они не несли за собой никакого реального избавления от того, что мучило и беспокоило меня. Так же как я не мог (не был способен) просто так смириться. А значит просто вынужден был терпеть. И как-то строить свою жизнь уже в соответствии с новым восприятием собственной жизни.

.....

.....

Все чаще мне хотелось скрыться ото всех.

Я любил часами отлеживаться под кроватью. Какое-никакое но для меня это было укрытие. По крайней мере – вздумай кто войти ко мне – у меня была фора: меня невозможно было отыскать сразу.

Что это было? Страх? Наверное, страх. Страх общения с кем-либо. Страх оказаться под «обстрелом» слов, жестов, взглядов другого человека. И мне и на самом деле никого не хотелось видеть. Хотелось быть одному. И я как бы наслаждался своим одиночеством. Наслаждался настолько, что положительные эмоции от этого прочно вошли в мое подсознание. И в будущем я частенько с удовольствием прятался или под кроватью или закрывался в чулане. Мне так было спокойнее. Так можно было никого не видеть. И добиться чтобы не видели меня. Потому что таким образом хоть как-то можно было избавиться от собственных

страданий, душевных мук, терзаний. И всего того, во власти которого я находился. И от чего (уже думал я) мне будет никак и не избавиться.

Любил ли я кого-то в то время? Да полноте! Ни о чем таком я и не думал. Вернее – отгонял мысли от себя. Потому что знал – они принесут мне только вред. Зло. То зло, которое все время кружилось рядом со мной. И у меня не было никаких шансов от него окончательно избавиться. Разве что только попытавшись заглушить его. И не больше.

.....

.....

Наверное не раз наступал момент, когда я понимал, что должно было все же что-то произойти, что поможет мне справиться с мыслями, разрывавшими мой мозг, мое сознание, которое все время находилось в состоянии атаки какой-то неизведанной гордости, которая проникала – словно эфир – в меня, заполняя и (иногда) подчиняя себе сознание.

И уже почти действительно не было шанса от него избавиться. Да и что я мог сделать? Главное – не прекращать борьбу. И это было действительно, самое главное.

Глава 2

Если, конечно, пытаться действительно использовать детство в качестве поиска зарождения причин всех последующих, случавшихся со мной, неприятностей, то я нисколько не способен был признавать, что это и на самом деле так. И наверное стоило ответить на главный вопрос: если бы было у меня какое-то другое детство – был бы я и в таком случае таким, каким являлось сейчас. Или на самом деле (и у меня были все причины склоняться именно к этой мысли), то, что происходило со мной после – если и было следствием того, как я рос и воспитывался (как имел значение и весь тот ассоциативный ряд, который возникал передо мной, когда мой глаз натыкался на какие-то предметы), то именно этому, опять же, я и должен был быть благодарен. И так выходило, что у меня были все основания находить некую связь уже между этим. То есть другими словами, моя взрослая жизнь являлась продолжением моего детства. И это было так. А значит, мое желание вернуться в него, чтобы объяснить ряд моментов, происходящих сейчас – было вполне оправданным. Так же как не существовало и ничего, что могло бы мне как-то воспрепятствовать в этом. Это была моя жизнь. И мне необходимо было ее строить в соответствии с единожды некогда выбранными позициями. Что бы ничто не отвлекало меня в моем будущем. Которое наступало. Но наступления которого я боялся. Очень боялся. Ну, так уж выходило...

.....

.....

В моем детстве, быть может, и не следовало так-то уж искать каких-то причин того, что происходило после. Хотя, конечно же, они именно там и таились. И наверное самой большой проблемой было выволить их на поверхность сознания, чтобы потом уже не возникало каких-то проблем.

Но насколько это было возможным? Ведь проблемы все равно существовали почти независимо от моего какого-то восприятия или не восприятия их. И избавление от них, от осознания их, конечно бы не произошло. Разве что легче бы стало. Это наверняка. И, если честно, мне особо-то и не хотелось так-то уж погружаться в свое детство. Уж слишком я хотел в свое время из него вырасти. А избавившись от чего-то таким образом – как-то вроде и не особенно хочется возвращаться обратно.

Быть может я чего-то боялся? Может и боялся. Но уже страх, замечу я, это то, что все равно неотступно сопровождает меня. Не преследует, нет. Сопровождает. Хотя иной раз и не бывает ничего хуже такого сопровождения. И хочется чтобы это когда-нибудь прекратилось. И потому что устал. И потому что всегда хочется чего-то нового. И потому что я вообще с большой радостью готов поверить в какое-то чудо. Чем оставаться в – так мучившей меня – реальности.

И это было на самом деле так. Мне совсем не нужно было ничего скрывать. И почти достаточно было жить той жизнью, которой я и жил. Нисколько и не собираясь расставаться с ней.

Но мне хотелось каких-нибудь перемен.

.....

.....

В детстве я рос забитым и слабым. Мне совсем не хотелось чтобы кто-нибудь оказывался рядом со мной. Намного приятнее было одиночество, которым я наслаждался, и которым, конечно же, боялся с кем-то делиться. Мне это было совсем не нужно. И любой, кто собирался бы нарушить его – наверняка почувствовал бы на себе мой недовольный взгляд.

Мне никого не хотелось видеть.

Это чувство я пронес через годы. И, по сути, до сих пор так и остался таким же одиноким и недоверчивым к любому, кто собирался помешать мне.

Да и мне, наверное, так было спокойнее. Все-таки погружение в собственные мысли это настоящее наслаждение. Не каждому под силу испытать его. Но те, для кого это становится возможным – наверняка и сами почувствовали всю сладость его. И наслаждение, которое медленно разрастается внутри тебя, так что тебе уже и на самом деле ничего не хочется, а ты вроде как если и ждешь чего-то, то это уже кажется таким долгожданным, что от этого становится вдвойне приятнее. И спокойнее. Спокойнее настолько, что уже и действительно – не хочется больше ничего.

Часть 5

Альтер-эго

Глава 1

Хотел ли я страдать? Нет. Мне вообще претило какое-либо мое сравнение с человеком, испытывавшим какое-либо несчастье. Хотелось, всегда хотелось совсем другого. Ну, например, быть мужественным и сильным. И я таким даже был. Пусть это и не замечали окружающие. Но ведь я до сих пор уверен, что все мы носим какую-то маску. Иной раз и не одну. И тогда почему мне не вообразить, что я где-нибудь забыл свою прежнюю маску? Оставил. Хотя бы на время где-то оставил. Чтобы на то же самое время превратится в совсем другого человека. Такого, каковым больше быть может никогда и не буду. Но ведь я таким и был. Пусть и только в своей душе. Но ведь был же. И, признаться, мне несколько не хотелось возвращаться в какой-то другой мир. Чтобы вновь стать таким, каким я был всегда. Да и почему я должен стать таким? Меня даже устраивала (начала устраивать) моя новая жизнь. Пусть это было и не на самом деле. Пусть было даже и неправдой. Но ведь я жил-то именно этой жизнью. И быть может до сих пор ею живу...

Глава 2

--Ты полагаешь, что все, что происходит с тобой сейчас – есть нормально?

Я оглянулся. Кто со мной разговаривает? Никого не было. Вокруг давно уже никого не было, и не могло быть. Я зачем-то вышел не на своей остановке, а проехал до конечной. Задумался о чем-то должно быть. Потом я вышел из метро. И отправился в лесопарк.

Черт его знает, зачем я туда пошел? Была весна. Светило солнце. Было тепло и сухо. И мне вдруг захотелось совершить поступок, который никогда раньше я не совершал. Чтобы быть может внести какое-то разнообразие в свою жизнь.

--Ты так и будешь молчать?!— рядом со мной раздался уже почти что окрик.

--Что тебе нужно?— процедил я сквозь зубы в пустоту, уже не пытавшись искать собеседника. Я понял что им был я сам. Просто мой внутренний голос теперь получил возможность не исходить изнутри, а слышался вокруг. Словно бы ко мне обращался какой-то невидимый собеседник. А я – это был и не я вовсе. А кто-то другой. И, получается, невидимый.

--Ты считаешь что это возможно?— спросил я его.

--Возможно что?!— с некоторым вызовом ответил он.

--Ну, вот так вот... -- я запнулся. Мне вдруг стало непонятно что я должен понимать под тем, что происходило. Быть может это был действительно только мой внутренний голос. А

может было и что-то совсем необъяснимое, и на то что у меня, по крайней мере, не было ответа. Хотя ответ быть обязан.

--Ну ладно. Я понимаю, что ты растерялся, и тебе наверное просто нечего сказать,-- услышал я все тот же голос.

--Да нет. Сказать мне как раз хочется многое,-- решил я включиться в игру.

--Да?

Мне показалось, что тот кто говорил со мной, сейчас посмотрел с каким-то даже удивлением.

--Ну что же ты? Говори,-- уже отчетливо слышал я его.

--Мне нечего тебе сказать,-- неожиданно у меня пропало желание вообще с кем-то общаться. А еще захотелось дать своему собеседнику в морду. Почему? Нервы, наверное.

--А вот этого делать не следует,-- услышал я предупреждение.

--Отчего же?— загорелся я идеей все же сделать это.

--Ну, хотя бы потому, что все это бесполезно. И уж точно ничего этим ты не добьешься.

--Да ладно тебе,-- смутился я. (Хотя тут подумал, что может и не стоило.)

--Я же тебе говорил.

Мне показалось, я услышал смех.

На всякий случай я обернулся. Рядом со мной никого не было. Хотя такого уже, по сути, и не могло быть. А если я разговаривал с собой, да еще и вслух,-- то уже получалось, что я сходил с ума. Но... Как-то не хотелось ощущать себя в роли сумасшедшего.

--Ты еще сердишься на меня? – угадывал мои мысли «собеседник».

--Нет,-- на всякий случай ответил я.

--Да полно тебе, я же знаю, что сердишься.

--Да нет же,-- уже начал горячиться я, и тут же подумал, что подобная моя реакция как раз может быть расценена именно как недовольство. А еще вернее – и злоба. Но... ведь не было ее.

А потом я уже ничего не помнил. Не помнил того, как повернул назад. Как прошел до метро. Доехал до своей остановки. И как каким-то образом оказался дома. Точнее, -- я очнулся уже дома. И теперь ставил под сомнение: действительно ли это все произошло со мной? Ведь вполне могло привидеться. Или...

Я действительно запутался. Вот уж несколько дней я давал себе зарок не поддаваться своему бессознательному, которое все чаще грозило забрать образцы правления в свои руки. Но действительно ли это было так? Или мне только казалось – что это так?

--Нет. Я просто обязан был разобраться с тем, что происходило со мной. И иного, как будто бы, просто не дано. Хотя бы потому, что не хочу этого я. (Да и наверное мало кто хотел кроме меня). Хотя бы потому,-- что никому до меня не было дела. А если мне и казалось что было – то это уже я накручивал себе.

Вот ведь как...

Глава 3

Но ведь я на самом деле был совсем другой. Должен быть другой. И, наверное, даже хотел быть другим. А если что-то мне мешало в достижении этого, то я просто обязан был это устранить. Не допустить возникновения чего-то, что могло бы воспрепятствовать осуществлению (почти выполнению) тех решений, которые были заготовлены мной. Или кем-то. Но должны были выполняться исключительно мной. И не существовало ничего, что могло бы действительно воспрепятствовать чему-то подобному.

Я изменился. Пусть это случилось лишь на какое-то время, но я изменился. И словно в одночасье стал таким, каким видел себя в своих снах. В которых я почему-то был совсем другой. Какой? А вот такой, каким вдруг стал ощущать себя сейчас. Я неожиданно поменял работу. Все, что касалось бизнеса меня больше не интересовало. И я вновь вернулся к музыке. Организовал группу. Вновь стал писать музыку. И даже тексты слов. И даже сам иногда пел лирические песни. И что самое интересное, я наконец-то перестал общаться с женщинами. То, чего я так долго добивался – наконец-то произошло. У меня теперь были две постоянные любовницы. К которым я приходил чуть ли не с завязанными глазами, трахал их (именно трахал. Ни о каком занятии любовью речь не шла. Любви не было. Было – по крайней мере с моей стороны – удовлетворение инстинктов). И уходил. Почти даже не договаривая с ними. Да и зачем. У меня вообще наступило разочарование в женщинах. И они наконец-то мной стали использоваться только для той цели, для которой и были предназначены. И все. Все разговоры, даже порой «беседы

по душам», и прочее – осталось в прошлом. Пришел – отъебал – и ушел. И больше они меня не интересовали. Исключительно до следующего раза.

Ну а так как эти две мои любовницы находились исключительно на моем содержании – то приходил я к ним тогда, когда это было нужно мне. И делал с ними то, что, опять же, было нужно мне. Хотел сказать: совсем не считаясь с их желанием – ну так они ведь сами выбрали такую жизнь. И у них было вполне стабильное будущее. Хотя бы на несколько лет. Через которые, я это знал, и их об этом предупредил – на смену придут другие. А они смогут устраивать свою жизнь дальше. Ибо для каждой из них у меня было заготовлено «выходное пособие». Десять тысяч долларов. И они еще вполне могли откладывать с тех полторатысяч, которые я им давал каждый месяц. Помимо того, что я еще пятьсот давал в конце месяца как премию в благодарность за подаренные мне часы наслаждений. Ну конечно же часы. Потому как трахал я их по полной программе. Искусственно задерживая свой оргазм, чтобы потом выплеснуть в них все – и уйти.

И хорошо было бы больше вообще не появляться. Но я приходил через четыре дня. Потому что через два – должен был посетить другую любовницу.

Ну а на следующий день (порядок тоже был заведен) ко мне рано утром должна была прийти горничная. Которая, дождавшись когда я открою глаза, просовывала голову под одеяло, делала все что была обязана, а потом уходила готовить завтрак. А я выпивал свою рюмку коньяка, закуривал, а она к

тому времени уже приносила в постель завтрак. А потом уходила. А я садился за компьютер, и писал музыку. Чтобы где-нибудь после обеда уйти побродить по городу, а горничная в это время должна была заниматься по хозяйству.

Примерно такой у меня установился распорядок. Но если честно, в глубине души я скучал по какой-нибудь умной собеседнице. С которой можно было поговорить на равных. Испытывая сексуальное возбуждение и от ее слов, и от ее ума.

Но это была только мечта.

Хотя в мечту я верил.

Глава 4

--Как ты считаешь?— Галанин, мой товарищ, работающий психотерапевтом, посмотрел на меня.—То что происходит со мной действительно ужасно.

Я взглянул на него. На лице Галанина на миг отобразилась маска смерти. Мне стало не по себе. Я отвел взгляд. Галанин видимо по своему это истолковал, поэтому как-то осунувшись, смотрел теперь вниз, словно изучая, что находится перед его ногами.

Там была земля. Мы встретились в парке. Сидели на лавочке. Была весна. Тепло. Раннее утро. И я, привыкший вставать значительно позже, если честно до сих пор еще просыпался.

Задумавшись, я вдруг вспомнил, что так и не ответил ему. Меня передернуло. Бестактным быть я не любил. Нужно было что-то говорить. Но я не знал что. Ведь у меня у самого были

проблемы, схожие с его. Единственно что – он был врач. И в какой-то мере ему было легче избавиться от своих проблем. Но то о чем он мне рассказал – как бы говорило, что ничего у него толком не получалось.

Галанина мучили кошмары. Ночные кошмары. Ночью вообще ему снилось черт знает что. Кто-то его преследовал. Он попадал в расставленные ловушки. Его мучили. Медленно убивали. Или убивали, а он не умирал. И страдал. Как от физической боли, пусть и во сне, но ставшей вдруг реальной, так и -- большей частью – от своего восприятия относительно иллюзорной реальности в которой находился. В которой пребывал постоянно. И ему как будто казалось, что... Что так и должно было быть. Что именно это – была его настоящая жизнь. Пусть и иллюзорная, но все же реальность. Реальность, от которой он всячески стремился отдалиться. Выбраться от обволакивающих его разум – кошмаров. В которых он теперь находился не только ночью, но и днем. И это его по настоящему пугало. А чем ему мог помочь я?.. Советом? Но каким? Чтобы советовать о чем-то, надо знать предмет. А я его большей частью знал как практик. Потому что у меня у самого были схожие состояния. Но к любой практике обязательно следует прилагать и теорию.

И уже несколько лет я изучал все, что касалось психики. Неврология, психиатрия, психотерапия, психоанализ... Я старался проникнуть вглубь того или иного психического отклонения. Проследить зарождение симптоматики заболевания. Сравнить с собственными ощущениями. И уже на основании всего этого – сделать соответствующие выводы.

Могло ли у меня получиться? Ну, так получалось же! Правда, я как-то подсознательно избегал общения с действительно специалистами. Но с появлением в моей жизни Галанина – такой шанс у меня появился.

И вот тут я впервые узнал, что у «специалистов» оказывается не меньшие проблемы, чем у их пациентов. И вообще, по настоящему сможет понять то что происходит в глубинах психики лишь тот, кто и сам испытывал нечто похожее. Тот, кто сам прошел через это. Научился – хоть как-то – справляться с этим. А без такого *прочувствования* как бы и невозможно.

Об этом мне рассказал Галанин. Это я мог наблюдать и сам. И видимо потому Галанин и пришел ко мне, чтобы поделиться со мной тем, что творилось в его душе. В его больной и измученной душе. И ничего с этим нельзя было поделать.

Что ж. Я должен был действительно помочь ему. И пусть моя помощь заключалась лишь в том, что я мог его выслушать. Иной раз это вообще было самое главное.

И я его слушал.

--... Понимаешь...-- Галанин вновь собрался с мыслями. Он видимо решил досказать все до конца. Ему может и правда хотелось выговориться. И он мог рассчитывать на меня...

--Понимаешь... Все началось уже давно. Я тогда только поступил на первый курс института. И понял причину бессознательного выбора именно этого вуза... Хотя и считал, что

все у меня произошло спонтанно... Но оказалось, что нет. И если честно – я мог только порадоваться, что это оказалось так.

Я слушал. Я не отвлекал его. И в минуты, когда он замолкал – я терпеливо ждал. Зная что буду вознагражден за это продолжением рассказа.

--...На протяжении всех лет учебы в институте я понимал, что у меня как раз и есть целый ряд той симптоматики, которую мы изучали,-- рассказывал Галанин.-- Но мне как-то боязно было признаваться в этом. Особенно себе. Потому, о том, чтобы рассказать об этом кому-то еще... Нет. Такое было попросту невозможно. По крайней мере для меня. Я вообще считал, что все необходимо держать в относительной тайне. В чем-то, быть может, опасаясь признаваться и самому себе. Не то что неудобно. Что такое – «неудобно»? Я боялся признаться себе что болен. Боялся, что – в таком случае – мне будет еще хуже. Состояние обострится. И может случиться так, что уже ничего не останется, как только смириться с тем, что происходит со мной. А я, по известным причинам, этого не хотел. И не только не хотел, но и всячески противился подобному раскладу.

--А что было делать?—продолжил он.-- Я знал, что в любом случае, существует как минимум один шанс, который позволит мне выжить. Спасти свою психику от дальнейшего разрушения. И с этим шансом я решил воспользоваться сполна. И шанс этот заключался в том, что бы как можно лучше изучить не только свое состояние, но и те причины, почему это все становится возможным. А уже после этого – попытаться изменить судьбу. И все это у меня вполне могло получиться. Но, как

видишь...-- Галанин обреченно развел руками, покачав головой. Его губы скривились в ухмылке.

--Но ведь ты научился как-то справляться с тем, что с тобой происходит? – посмотрел я на него.

--Научился. Почти научился,-- несколько раздраженно ответил Галанин.—Но как видишь – иногда это не помогает.

--Ты ошибаешься!

--Что?! – Галанин недоверчиво посмотрел на меня.

--Я говорю, что ты ошибаешься,-- повторил я.

--Поясни,-- попросил Галанин.

--Но ведь это понятно и так,-- усмехнулся я.— Если предположить, что ты все-таки не до конца сошел с ума...

(«Спасибо»,-- услышал я усмехнувшегося Галанина)

--И у тебя вполне есть шанс. И шанс и возможность,-- поправил я себя,-- остановить процессы, происходящие в твоей психике,-- то не это ли и является достаточным свидетельством о том, что...

--Что у меня получится излечить себя?— понял мою мысль Галанин.

--Ну да! – искренне посмотрел я на него.

--Не знаю,-- задумчиво произнес Галанин.

--А что тут знать-то?— готов был растеряться я. Меня всегда обескураживали люди, перед которыми раскрывался выход из какой-то сложной и запутанной ситуации – а они не хотели замечать его.— Ну что ж,-- задумчиво произнес я, глядя на стоявшего передо мной, и переминающегося с ноги на ногу Галанина.— Если ты и действительно не хочешь того сам – тебе никто помочь и не сможет.

Другое дело, если ты к этому стремишься. Тогда, на мой взгляд, и проблем никаких нет.

--Ты так считаешь?— с надеждой на меня посмотрел Галанин.

--Да. Я так считаю,-- честно ответил я.

Мне хотелось еще чем-то ободрить его. Если бы я был женщиной – я бы, например, тут же отдался бы ему. Но ведь я не женщина. И тогда я просто еще и еще раз продолжил говорить ему какие-то добрые и обнадеживающие слова. И мне казалось, что все получилось. А Галанин и на самом деле успокоился. Хотя наверняка он нуждался еще и в медикаментозном подкреплении «успокоения». Чтобы «закрепить» эффект. Но с лекарствами, я был уверен, Галанин разберется и сам. А что до меня – так он всегда мог на меня рассчитывать. И об этом я, в общем-то, знал.

И было только одно «но», которое порой на нет сводило все мои усилия.

Потому что никакого Галанина на самом деле не было. А им был я сам. В каких-то своих фантазиях. Или измененных состояниях сознания. Но с этим уже ничего нельзя было поделать. Разве что только смириться...

Глава 5

По сути, я хотел (все время хотел) хоть как-нибудь отдалить от себя свои страдания.

Они даже изначально как бы были не свойственны (ну, -- не совсем свойственны) мне. И если раньше все неудачи собственной жизни я принимал как должное, то теперь стал задумываться: а так ли это все должно быть? И если так – то почему? И есть ли шанс как-то изменить судьбу? Повернуть ситуацию как-нибудь иначе. Быть может даже сделать так – чтобы что-то похожее не повторялось.

Вот какие задачи стояли передо мной. И, конечно же, вся моя жизнь требовала их разрешения.

Потому что в другом случае, как будто бы и вообще мне уже было не нужно ничего. Как, например, раньше. А если что вдруг и получалось...

По всей видимости, какая-то загадка, конечно же, присутствовала. И даже, быть может, неотступно следовала за мной. А в моем случае возможно было или поддаваться ей, или наоборот – стремиться от нее убежать. Исчезнуть. Ибо было пока что надеждой, что если скроюсь я – то исчезнет и она. Ну а как еще иначе? Пожалуй, наверное, и никак.

.....

.....

Я собрался изменить судьбу.

Мне почему-то казалось, что это не так-то и сложно.

А на самом деле я отчего-то был уверен, что должен это сделать. Во что бы то ни стало. Сиюминутно. Ну а раз я решил что

это должно быть так – так значит так и будет. Несмотря на какие-либо препоны, которые, вздумай кто, мне вставлять.

В своем новом обликии мне даже казалось изменилась и моя внешность. И я помолодел. Немного помолодел. Так что стоило взглянуть на меня под определенным углом зрения, и меня уже было не узнать. Вернее – не мог узнать себя я сам. И это тоже, по возможности, было своего рода загадкой. Причем, в отличие от других загадок – как раз эта загадка не требовала мгновенного разрешения. Она вообще быть может не требовала никакого разрешения. И самое лучшее что могло быть – вообще оставить все так, как есть. Без каких-либо вариантов *потенциальных* изменений. Которые я, если честно, никогда и не любил. И мне вообще всегда был ближе консерватизм. Хотя и иногда я бежал от него обхватив голову руками, и чуть ли не захлебываясь от отчаяния и желания объяснить, почему я все делаю так, а не иначе. Тогда как иначе, как будто бы и не мог. Не хотел? Нет. Именно не мог. Потому что случались моменты, когда я вообще ничего не хотел. А может... а может мне было и все равно. Ну, так уж выходило.

.....
.....

Но я несколько не противился и этому. И если честно, мне, по сути, всегда хотелось какой-то гармонии. Должна она быть повсюду. И при наличии ее было действительно спокойнее. Да и проще. Намного проще. Проще жить. Проще понимать

окружающую действительность. Проще, каким-нибудь незаметным образом вторгаться во внутренний мир кого-то, кто предстал передо мной. Чтобы там, конечно же, не навредить. А просто строить какие-то отношения с этим человеком – уже с учетом известных только тебе особенностей.

И это было, быть может, самое главное. Ну... так выходило...

.....

.....

Когда-то, когда я был еще маленьким, мне хотелось изменить судьбу.

Не покидало желание сделать нечто подобное и после.

А вот теперь, когда я давно научился перекраивать свою жизнь так, как мне того хотелось, что-то как будто надломилось в моей психике. И я стал с опаской и подозрением относиться ко всему, что касалось каких-то судьбоносных изменений. По мелочевке, конечно, я еще как вроде как и с удовольствием пускался в круговорот чего-то нового и неизведанного. А вот изменений в глобальных масштабах – опасался. Уж слишком могло как-то выйти не так, как я задумывал. И это, признаться, меня настораживало.

Глава 6

И все же, конечно, иной раз уже и от этого «перекраивания» мне становилось не по себе. Потому что преображался я в результате этого таким образом, что совсем – как будто – и не было уже возможности остановить то, что начиналось со мной.

И тогда мне уже как будто и ничего не оставалось, как только превращаться в некоего стороннего наблюдателя; и смотреть за происходящим со стороны.

Изменялся я действительно самым удивительным образом. Если раньше был добрым – теперь становился злым. Был душевно ранимым: превращался в некое полуистерическое создание, находившее удовлетворение в тут же придумываемых обвинениях в адрес других. И сам же при этом насмехался над их агониями. Не только вызывая те, но и всячески поддерживая.

В такие минуты мне хотелось убить себя. Я как-то подозревал (почти на бессознательном уровне), что такие злобные чудовища жить не должны.

И требовалось их непременно наказать. Чтобы избавить человечество от страданий.

И это все при том, что на самом деле таким ведь я не был. Не был в своей душе. Душе, которой порой доставалось столько, что мне хотелось бережно взять ее на руки, прижать к сердцу, и бережно унести куда-нибудь подальше от мира кошмаров разума, из-за которого ей приходилось терпеть все это. И вот когда уже наступало избавление (а оно все равно наступало),-- я вновь

изменялся. И теперь уже не страдал – а смеялся. Хотя и первоначально мой смех приобретал совсем уж истеричный окрас. А я с надрывом ухохатывался сам над собой.

И ничего я не мог изменить. Кроме как попытаться (исключительно усилием воли; или самовнушением) заново измениться. словно бы искусственно заставив себя – стать совсем другим, чем есть. И когда у меня все получалось – это было поистине прекрасное время. Ибо я мог по настоящему торжествовать победу. И быть может даже в душе – насмехаться над собой. Прежним. Таким, каким уже никогда не буду.

Но мне рано было зарекаться.

Потому что через время повторялось все вновь. И уже совсем было невозможно не только что-то изменить, но и предугадать заранее. И словно бы намеренно происходило все, чтобы меня вытащить обратно из этого, с чудовищной силой обволакивающего меня безумия. Безумия, от которого я доселе и не знал толком как избавиться. Хотя и пытался. Конечно же, пытался. Но все время (у меня было такое предчувствие) мои попытки уводили меня в сторону. Туда, откуда, казалось, и совсем не было возвращения. А был лишь обман. Когда казалось, что уже как будто и все. Все в порядке. И больше не нужно страдать. Что-то искать – не находя – и каждый раз быть уверенным, что необходимы новые поиски. Которые, быть может, и вообще неизвестно к чему могли привести. Потому что приводили они, если честно (и, как говорится, положила руку на сердце),-- вообще к черт знает чему.

И не было от этого избавления. И не было (даже в перспективе) каких-то вариантов, которые самим своим появлением свидетельствовали бы о том, что в скором времени все закончится. Так скоро и вообще ничего не могло закончиться. Так же как и не могла закончиться моя жизнь. Несмотря на то, что мне каждый раз казалось обратное. А иной раз было предчувствие, что и вовсе скоро все закончится. Закончится все, к чему я каким-то образом стремился. Шел каким-то своим загадочным путем. И при этом, случалось, мне и совсем никуда не хотелось идти. Идти, конечно, в виртуальной какой-то реальности. Потому что просто так я иной раз ходил по городу. Когда порой забредал в такие места, откуда и не знал: есть ли выход? Выход, которого и вообще, по сути, не могло быть. Ну быть может оттого, что не было уже как бы изначально. Хотя... О чем это я? Я ведь даже и не искал пути назад. И ночевал, порой, в таких местах, из которых (спроси меня кто раньше) и какого-либо возвращения невозможно. А сама судьба как будто предполагала мне смириться с тем, что уже было. И иногда я был вынужден принимать подобные условия (хотя бы потому, что и других-то мне не предлагали).

Но несмотря даже на все это – я всякий раз надеялся, что что-то произойдет такое, после чего я уже не буду мучиться и страдать от всех этих неизвестностей и минут уходящей реальности. Да, если честно, я совсем потерял ощущение реальности. И быть может по сей день толком и не знаю – что вокруг меня: реальность?.. ирреальность?.. А что еще более наверняка – такая безнадега... И черт ее бери...

Глава 7

Нет. Так думать, конечно, совсем не годиться. Просто хотя бы оттого, что совсем не бывает чего-то по настоящему непонятного и неизвестного. А если что-то все-таки и бывает непонятно, то только лишь от того, что находится кто-то, кто просто-напросто боится этой правды. Боится, быть может, даже разоблачений. И как же оказывалось удивительным, когда этим кем-то оказался я. Ибо именно так я и стал – с недавних пор – считать себя. И уже если это и действительно так, то что тогда, собственно, мне нужно было говорить. Говорить самому себе. Ибо как раз для самого себя у меня уже давно не было оправдания. Никакого оправдания. И быть может, нужно было конечно, и просто смириться с тем, что это происходило так. Но, если честно, я так устал от этого. От какого-то смирения в том числе. И если чего мне и действительно хотелось – так это найти правду. Ту правду, которая обязательно должна была существовать и быть всегда. Независимо от того, что находился кто-то, кому эта правда была не нужна. А может для него и не существовала.

Но ведь я был не таким. Как бы то ни было, но если я стремился к достижению какой-то истины, то это как минимум означало, что какую-то истину я найду. Пусть (уже позже я понимал это) то что я находил, и не совсем было истиной. Пусть и на самом деле (даже совсем рядом) существовало что-то, что помогло бы мне отыскать именно то, чего я на самом деле и искал. К чему по настоящему стремился. Но я, к сожалению, хотел, чтобы произошло подобное поскорее. А потому и ошибок (во всех

этих моих поисках) было больше, чем, быть может, должно было быть. Хотя, конечно же, кто из нас знает, сколько на самом деле должно (или не должно) быть этих ошибок. Это вообще находится в юриспруденции судьбы. А судьба это то, что не подчиняется никаким правилам, нормам, законам... И живет какой-то своей (и неизвестной нам) жизнью. И мы даже совсем по настоящему и не знаем: что это? Жизнь, смерть... О себе мы не знаем ничего. Лишь только то, что судьба хочет, чтобы мы знали. И получается загадка. И получается то, что мы как вроде бы и стремимся к каким-то иногда мучительным для нас разрешительными конфликтами. Но уже даже то, что это оказывается так... На это как будто и нет каких-то причин, объясняющих что-то подобное. И по крайней мере для нас (для меня в том числе) это всегда остается загадкой. И тайной. Конечно же, тайной. Той тайной, которая быть может и должна навсегда остаться такой. А что поделаешь? Судьба.

Но я все время хотел убежать от судьбы. Избежать ее. Избежать всего того, что было загадано изначально. Загадано существованием чего-то невидимого и неизведанного. Существование которого невидимо нам. А отчего так (или – не так) происходит – для нас непонятно.

И наверное ничего и на самом деле нельзя было поделать.

Ну, по крайней мере я, – не мог. И даже если бы очень того захотел – не смог бы все равно. Ибо действительно существует нечто, в тайну которого нам совсем не дано вторгаться. И уже точно не будет ничего, что стало бы понятно мне. Так уж выходило...

И я ничего не смог с этим поделать. Да может и не хотел.

И эту загадку мне уже не разрешить. Потому я внезапно настолько стал другим, что перестал узнавать себя. Изменился. Изменилась даже моя внешность. А внешность это вообще было то, что во мне менялось чаще всего. Причем, не только цвет, длина волос, или выражение лица, но и, наверное, уже само лицо становилось совсем другим. И причина в этом, как мне кажется, то, что моя душа становилась совсем другой. А внешность, тогда уже, словно бы подстраивалась под то, что было внутри. И в зависимости уже от этого – я становился то старше, то моложе. А чаще всего старше. Хотя поступки были очень даже «молодыми». Свойственные молодым.

Но уже как раз для меня это было и оправданным. Потому что как бы молодым я никогда не был. Словно, из подростково-юношеского возраста я перепрыгнул сразу во взрослую жизнь. Минуя молодость, к которой, в общем-то, я никогда и не стремился.

И как ни странно – это было именно так. И наверное стоит вообще задаться вопросом: что думал я в тот момент, когда это в реальности происходило?

Но как же мне не хотелось на самом деле возвращаться в свое детство. Ни в детство, ни в юность. Словно бы я чувствовал, что как раз с того времени существует надо мной нечто, что способно даже не то что вызвать какие-то негативные последствия, а скорее, заставить меня как бы заново пережить тот ужас, который уже стал мной забываем.

И ничего с этим нельзя было поделать. А чтобы избавиться от этого -- был только один способ: заново пережить трагедию. Причем на самом деле – трагедия это была или радость – значения большого не имела. Важен был сам факт – переживания подобного. Погружение в то свое состояние, которое приходилось испытывать когда-то. И наверное самое печальное было как раз это. Потому что иногда прошлое радовало вас. А иногда и приносило разочарование. Причем, конечно же, мучительнее всего (для психики) было третье состояние. Когда прошлое словно бы заставляло погружаться в него. И это было только полбеда. Потому что «погружение» означало и то, что вы внезапно начинали пребывать в измерении прошлого. И порой былую действительность воспринимали с какой-то новой для себя стороны. Словно одновременно и наблюдая со стороны, и находясь непосредственно в ней. И это было самое мучительное, что только могло быть. Потому что – при этом же – вы ощущали свою полнейшую неспособность что-либо изменить; как-либо воздействовать на ситуацию. А она уже и не отпускала вас. (И это притом, что зачастую, конечно же, вы хотели выбраться из нее). Но изменить действительно было невозможно. Причем вам нельзя было просто констатировать факт. Ведь не забываете, что вы как бы находились в глубине этой ситуации. Ситуации, произошедшей когда-то много лет назад в вашем прошлом. Но теперь для вас как будто уже наступило это самое прошлое. И ничего с этим нельзя было поделать. И надо было как бы заново *переживать его...*

Часть 6

Перерождение

Глава 1

Павлу Игнатьевичу Аллюрову внезапно почему-то показалось что картина, над которой он работал уже полгода (и работа над которой уже близилась к завершению),-- получилась совсем не такая, как он задумал изначально. Словно бы – уже во время работы над ней – он попал под влияние какого-то хитрого демона, который не только каким-то образом погрузился вглубь него, но и влиял на работу Аллюрова самым ужаснейшим образом. Аллюров даже решил показать ее Васнецову. Что он раньше никогда не делал, потому что считал чем-то отчаянно страшным даже говорить о том, над чем ты сейчас работаешь. Но в этот раз он оказался бессилён перед опасностью вообще прекратить работу. Такого произойти было не должно. А потому в один из дней он позвонил Васнецову, с просьбой прийти посмотреть новую картину.

Знал бы Аллюров какую волну внутреннего протеста поднял он своим звонком в душе Васнецова. Андрей Аркадиевич и без того не находил себе места. Психика расшаталась настолько, что он уже подумывал сдать себя врачам-психиатрам. И если до сих пор еще не сделал этого – то лишь потому, что оттягивал момент. Потому как на самом деле выхода у него не было. И он это понимал сам.

А тут еще Аллюров со своей картиной.

Но Андрей Аркадиевич был порядочным человеком. И отказать Павлу Игнатьевичу Аллюрову – был не способен. Как не способен отказать и вообще никому, кто обращался к нему с какой-то просьбой.

Поэтому и страдал Васнецов невероятно. С возвратом все больше понимая, что его всегда использовали. И, конечно же, нисколько не считались с его мнением. Да и он настолько переживал из-за этого, что ему даже не хотелось жить. Притом что вполне может быть, что это и не из-за этого. Ведь может так случиться (и случается иногда), что – как бы вдруг – пропадает желание продолжать жизнь. А сама жизнь кажется до того скучной и неинтересной, что совсем ничего и не хочется. Словно бы разом принимаются желания. А сами чувства уже как будто и не проявляются вовсе. Человек замирает. Становится почти каменным. Потому что в камень превращается он сам. И уже ничего не может расшевелить его. Сболтнуть. Вернуть снова к жизни. И... ничего с этим действительно не поделать.

--Как тебе?— с подозрением посмотрел на него Аллюров, словно бы заранее уже не доверяя тому, что тот скажет.

--Мне нравится,-- признался Васнецов.

--Но этого не может быть?— протестующее замахал руками Аллюров.— Общий рисунок не выдержан, цвета размыты, фон вообще черт знает какой...

--Мне нравится,-- повторил Васнецов. Меньше всего ему хотелось сейчас спорить. И он решил стоять на своем.

--Нравится?— недоверчиво переспросил Аллюров, и словно бы по-новому посмотрел на свою же собственную картину. («А может и вправду нравится?»)-- промелькнуло у него в голове. Но он тут же поспешил прогнать свою мысль. Она ему показалась преждевременной и лживой. «Такого просто не может быть»,-- уже почти убедил он себя, как услышал что Васнецов ему что-то сказал.)

--Что?— переспросил он.

--Я говорю – что на самом деле картина никуда не годится,-- говорил Васнецов.—И вообще я вижу откровенную дрянь. Совсем не в стиле твоего таланта.

--А ты полагаешь он у меня есть?— уцепился за последнюю фразу Аллюров.

--Бесспорно,-- для убедительности еще и кивнул головой Васнецов.

--Не может быть,-- не верил Аллюров. Он вдруг поймал себя на мысли, что совсем начинает запутываться – чему верить? И где Васнецов настоящий: когда ругает или когда хвалит?

Аллюров понимал, что еще немного – и он вконец запутывается.

Предательское чувство исчезновения всех желаний вновь замаячило перед ним. И ему как будто бы и на самом деле вдруг все и окончательно расхотелось. По крайней мере он совсем не знал, как ему поступить дальше. И отчего-то очень хотелось треснуть Васнецова по голове. Той же картиной, например. Раз все равно она ему не нравилась.

К счастью, подобного не случилось. И пообщавшись еще какое-то время – они расстались друзьями. Словно и не было

между ними раздоров и недоумений. А все что случилось – было окончательно забыто. Да и вполне может быть – ничего подобного и не произошло вовсе.

--Сука ты последняя,-- неожиданно закричал Васнецов, когда Аллюров уже было распрощался со своим приятелем, намереваясь отправиться в ближайшую пивную – и выпить.

--Сука?-- недоверчиво переспросил Аллюров.-- И отчего же я, собственно, сука?— совсем уж непонимающе уставился он на него.

--А я тебе говорю, что ты сука!— продолжал стоять на своем Васнецов.— И мне ты вообще никогда не нравился. И если возможно – то я вообще не хочу тебя никогда видеть.

--Так уж никогда?— не поверил ему Аллюров.— Может ты объяснишь что случилось?

--А что тут объяснять,-- сквозь зубы произнес Васнецов.

Затем он развернулся и ушел. Не прощаясь. И видимо действительно с твердой уверенностью больше Аллюрова не увидит. Потому что видеть его не хотел.

--Каков негодяй,-- медленно произнес Аллюров, глядя вслед удаляющемуся Васнецову. Настроение у него было испорчено окончательно. И чтобы хоть как-то заглушить боль – он вернулся к творчеству. И принялся за работу, с диким желанием сотворить что-то гениальное.

Но уже через пять минут он отложил холст, решив выпить. Сейчас для него это показалось наиболее актуальным. Ну а если он что решил – делал. Хотя, случалось, как-то быстро и забывал о недавнем «решении».

Вообще, если разобраться, Аллюров представлял из себя достаточно удивительного человека. Смуглый, с взлохмаченной челкой, невероятно длинный (казавшийся, впрочем, таким из-за своей худобы), Павел Игнатьевич всегда почему-то был уверен, что его внешность оказывает положительное влияние на окружающих. И это при том, что самих окружающих он ненавидел. Будучи погруженным, большей частью, вглубь себя.

И почему-то так выходило, что он совсем не стремился ни к какому общению. По возможности общения избегая.

В шутку он говорил, что общаться с другими для него было противопоказано врачами.

Но это было неправдой еще и потому, что, как я знал, врачей он тоже избегал. И вообще фигура Аллюрова для меня всегда оставалась более чем загадочна, если не подозрительна. Ну, что было то было...

Глава 2

Кирилл Андреевич Романов презирал всех вокруг.

Для себя он вычертил круг людей, с которыми ему можно было общаться. А всех других он просто ненавидел. И считал, что они должны будут уничтожены. Когда наступит час «Ч». (Под уничтожение не попадали только дети до 14 лет. Остальным шанса он не оставлял.)

Внешне Романов тоже казался невероятно агрессивен. Ему было тридцать пять. Но если бы кто-нибудь спросил у него возраст – Романов бы не ответил. Он не помнил своего возраста. Не обращал на него внимания.

Впрочем, о возрасте Романова у самого Романова никто спрашивать бы не стал. Слишком уж явное презрение прочитывалось на лице Романова, чтобы у кого-то вообще возникло желание к нему подходить.

И Романова видимо ненавидели так же, как и он других. Хотя с его ненавистью, конечно, мало что могло сравниться.

.....
.....

Романов был среднего роста, крепкий, кряжистый, с фигурой борца вольного стиля (борьбой он продолжал заниматься до сих пор).

С одной стороны могло показаться, что Романову заниматься борьбой -- противопоказано. Но с другой – можно было предположить, что в схватку на ковре он как раз и сублимировал свою внутреннюю агрессивность. После чего на какое-то время становясь чище и светлее.

Впрочем, это его не спасало. Потому что стоило ему перестать бороться – как к нему сразу же возвращалась агрессивность. И он ругался, кричал, брызгал слюной. И даже топал ногой, словно отпугивая невидимых оппонентов, и

представляя собой одновременно и грозную и комическую фигуры.

Хотя и большей частью был попросту смешон. И с этим ничего нельзя было поделать.

И, конечно же, никому нельзя было противостоять Романову. Даже одним намерением подобного, такой человек обрекал себя на страдания. Ибо Романов от него бы уже не отвызался. Не дал бы ему покоя. Пока окончательно не добил бы его своими гнусными нравоучениями и мерзостными шуточками.

И что самое любопытное (для меня, по крайней мере), у Романова было невероятно много клиентов.

Работал он адвокатом по гражданским делам. Причем самое удивительное как раз заключалось в том, что он не выиграл ни одного процесса. Ни одного!

И при этом народ к нему валил. Вероятно, думал я, людей завораживала невероятная уверенность Романова. За время, которое проходило до суда, клиенты Романова успевали получить такой заряд уверенности, что бессознательно начинали считать, что процесс уже выигран. И окончательный результат им может быть уже и не так важен. Эмоциональную составляющую победы они уже пережили. И более чем щедро вознаграждали услуги Романова. Уже не обращая внимания на реальное решение суда.

Так считал я. Я анализировал происходящее около Романова и с участием Романова. Он завораживал меня своей импульсивностью. Уверенностью в том, что с легкостью сможет добиться невозможного. И в иные моменты мне даже казалось, что он действительно может все. Хотя, по сути, Кирилл Андреевич

Романов был полнейшее ничтожество. И конечно же – ничего у него не выходило, и выйти не могло. А если что и становилось возможным – так разве что появление некоторой уверенности в тех, кто обращался к Романову. Появление у них уверенности в том, что – обратившись к кому другому – они, быть может, и действительно смогли бы выиграть процесс.

Но большинство из них уже ни к кому не обращались. Потому что Романов брал за свои услуги чуть ли не по самым высшим расценкам. И за все время работы Романова нашелся только один человек (Борис Сергеевич, администратор одного из арт-клубов, незаконно – как он считал – уволенный самодуром-директором), который не только сказал Романову все что о нем думает, после того как процесс был традиционно проигран, но еще и подкрепил свои слова несколькими ударами. Точнее – хотел было «прикрепить», но тут оказалось что не зря Романов занимается борьбой. Началась потасовка. После которой они... подружились. Что, опять же, было просто невероятно для меня. Но я и так уже стал замечать что в последнее время удивляюсь как ребенок. Притом что никаким ребенком давно уже не был. А продолжал просто-напросто наблюдать за личностью Кирилла Андреевича Романова, который мне казался очень даже интересным.

Да наверное и самому себе Романов казался интересен. Не думаю что он так-то уж не замечал что с ним происходило. И наверняка ведь даже задавался вопросом – почему это именно так? В то время как этот вопрос как бы уже изначально относился к разряду безответных. И должно быть ответа на него не могло быть – по принципу. Хотя бы потому, что существуют определенные

вопросы, на которые ответа не бывает. Да он, в большинстве случаев, и не нужен.

И уже как бы то ни было, отчего-то я склонялся к мысли, что вся жизнь Романова уже как будто и была подчинена сплошному выбиванию из шаблонов. Потому что какой сделает Романов второй шаг (после первого) не знал даже он сам. И бывали случаи когда он сам, казалось, делал все, чтобы человека (или его деятельность) не оправдано осудили. И несколько раз присутствовав на его процессах (когда, по мнению Романова, процессе был достаточно интересен – он приглашал некоторых знакомых),-- я замечал почти подсознательную (и наверняка неосознаваемую самим Романовым) радость Кирилла Андреевича за то, что осудили его клиента.

Странный это был человек. И странность, конечно же, заключалась в нем самом. Ну а может быть он и замечал, что все идет как-то не так. словно бы однобоко закручивается.

И ведь на самом деле, конечно, заслуга Романова, что вокруг него много людей. Но ведь люди-то на самом деле часто менялись. Или он сам (в большинстве случаев это было именно так) прогонял их. словно бы смотря «другими глазами» на человека, которого много раз уже видел до того, и теперь с трудом сдерживая себя – унижал человека, сквернословя в его адрес.

--Ну разве можно так?—бывало, говорил ему Александр Израилевич, прокурор одного из районов города, в помощниках у которого когда-то числился Романов. Но это было давно. И Александр Израилевич наверное был единственный человек, кто мог не только что-то говорить Романову, но и которого тот

слушал. Уж слишком непредсказуемой была реакция Романова на любую критику. А почти все слова в свой адрес он воспринимал именно как критику. А вот Александра Израилевича Якобсона – слушал. Пусть и невероятнейший «протест» читался при этом в его глазах, но он его действительно слушал. И даже старался следовать его советам. Хотя у него, конечно же, не получалось. Почти никогда не получалось. И уже наверное это дополнительно подливало масло в огонь, который разгорался внутри Романова. И Романов поливал проклятиями всех, кто попадался ему на пути. Хотя попадались, конечно, не многие.

Глава 3

Антон Носов был большой, нескладный, мешковатый, еще совсем молодой парень. Было ему что-то около тридцати. Выглядел он на двадцать. И боялся любого, кто захотел бы приблизиться к нему ближе чем на метр-два.

«Захотел бы»,-- потому что к Носову никогда никто не приближался. И ни у кого наверное даже не было такого желания. Разве что у Аганова (Борис Сергеевич носил фамилию Аганов), который возникал всегда неожиданно, и чуть ли не с гиканьем бросался на шею Носову, стремясь свалить его чем-то наподобие борцовского приема. Причем ситуация казалась комичной еще и от того, что Аганов чуть ли не в двое был ниже его, и килограммов на пятьдесят меньше (шестьдесят – против ста десяти). И конечно же – свалить Носова ему никогда не удавалось. Но пугал он его основательно. И сбрасывая с себя повисшего было Аганова –

Антон Носов бежал напрямиком в туалет. (После подобного «нападения» у него всегда случалось расстройство желудка). И наверное комичным это казалось только со стороны. А сам же Носов – уже предполагал я – очень сильно переживал от подобного внедрения в свою территорию; которую он считал незыблемой, ибо никто кроме Аганова действительно не нарушал границ, инстинктивно выставляемых Носовым.

.....

.....

Виктор Васильев и Женя Мошкова – дружили с детства. Когда они выросли,-- то чуть было не расписались. А не расписавшись – все равно продолжали любить друг друга. Хотя, точнее – себя. Потому как, чтобы они на самом деле не говорили друг другу – любили они только себя. Но хотели почему-то жить вместе. И даже, наверное, жили. Хотя и выдумали какую-то легенду про двоюродное родство. И если бы я как-то случайно не увидел как Витя «накачивал» Женю, которая наклонилась перед ним, и оперевшись руками об стол (я как-то ночевал у них, и встал раньше обычного) – насаживалась своей попкой на его член.

--Продолжайте, продолжайте,-- быстро произнес я, прикрыв дверь.

А на миг смутившийся Витя (Женя по моему, даже не заметила моего «вторжения») через время все же сумел закончить. Наверное сумел. Потому что я (вернувшийся в постель и решивший – раз уж так вышло – еще поваляться) неожиданно ощутил как вошедшая в комнату Женя – словно само собой

разумеющееся нырнула головой под мое одеяло, и через время – уже кончал я.

С тех пор Женя при каждом удобном случае (когда Виктора не было поблизости) делала мне минет. И я так к этому привык, что бывало ревновал – когда она то же самое делала Виктору.

И кто он ей был – муж, брат, или просто сожитель – меня не особо-то и интересовало. Потому что были серьезные предположения, что она трахается со мной – с согласия его. И при каждом нашем занятии любовью я отчего-то не мог избавиться от таких предположений. Но – не спрашивать же о том Евгению?!

Вообще я старался жить со всеми своими знакомыми дружно. А особенно бережно, конечно же, относился к Антону Носову. Уж очень раним мне всегда казался этот человек. И только как-то узнав, что он избивает в постели проституток (а у него был секс исключительно за деньги; этот человек был прямо-таки напичкан комплексами, и на нормальную любовь, думаю, был не способен),-- у меня слегка изменилось отношение к нему. Да и то,-- ровно до того момента, пока я не понял, что такого рода секс для Антона – единственная возможность не загнать еще глубже внутрь себя свое «Я». И хоть какая-то, но конечно же реализация своих скрытых (подсознательных) желаний.

Но для меня ведь и не было сомнений – почему он не смог реализовать их в жизни.

Боялся. Попросту боялся что у него ничего не получится. И если что и следовало с моей стороны – так только лишь жалеть этого *ущербного...*

Глава 4

Каким-то образом Романову удалось объединить Аллюрова, Васильева, Якобсона, Аганова и даже Носова -- с Женей Мошковой, для выполнения очень секретного (как он заблаговременно и несколько раз предупредил всех) плана.

Суть плана – убийство Васнецова. Ну тот, разумеется, ничего об этом не знал. Никакой игры не было. Все должно было случиться по настоящему.

План состоял из нескольких пунктов. При неудачном выполнении одного – в запасе были остальные. Хотя, конечно же, Романов предполагал, что все получится с первого раза.

И все же загадкой было – почему все согласились? Ведь это все же – убийство. И помимо нарушения норм цивилизованного общества – за это еще полагался и суровый срок. Но... они согласились. И словно бы специально для этого – все вместе – выехали на природу. В горы. Но - то ли вмешалось провидение? То ли как раз и было частью уже *настоящего* плана, но рано утром (просыпались все вообще очень рано) в своей палатке нашли мертвого... Антона Носова. И все почему-то подумали, что это сделал... Романов. Потому что как раз Кирилл Андреевич Романов – исчез. А потом... а потом (по возвращении в город) со всех взяли «подписку о невыезде». А Аганова с

Якобсоном посадили. Потому что в прокуратуре вдруг оказалось письмо Романова, где он... предполагал свою смерть от рук... Аганова и Якобсона. А остальных (много было людей в том списке) считал «соучастниками».

Но на самом деле, конечно, со всем этим разобрались. Просто словно бы совершенно случайно выяснилось, что подобные письма Романов рассылал и раньше. И вообще, по большому счету (как говорил один следователь – другому), это еще и не показатель. Ну, в смысле – никакое и не доказательство. Потому что и совсем неизвестно для чего это сделал Романов на самом деле. И не умышленно ли? Как раз с целью подставить, очернить всех указанных в списке лиц.

Ну а если так – то их необходимо освободить. И уже заключить под стражу самого Кирилла Андреевича Романова. Если, конечно, удастся того найти. Потому что исчез он, по всей видимости, бесследно. И тогда может быть его и правда похитили. А то и убили. А раз так – то пусть пока подозреваемые сидят там, где сидят сейчас. И все осталось на своих местах. Но... Но вот случившееся – необычайно вывело всех из себя. Нарушило то спокойное «уединение» психики каждого, которое как будто бы установилось само собой. К тому времени. Тогда как сейчас – у каждого (почти у каждого) из наших героев – вновь начались те необратимые последствия в психике, от которых немногим ранее им как будто бы и удалось спастись. Заглушив их на время. А теперь вновь – все неожиданно стало намного даже хуже, чем было до того.

Например, у Евгении, этой внешне привлекательной женщины, с блядским взглядом, длинными ногами и губами, глядя

на которые любой нормальный мужик думал только об этом,-- так вот к этой вот Евгении неожиданно возвратилось то, от чего она уже думала навсегда избавилась. Ей вновь стало казаться, что она во что бы то ни стало должна увидеть мужской эрегированный член. И когда она закрывала глаза – она видела его. И видела даже когда не закрывала. И на что бы она не смотрела, на втором плане всегда маячил половой орган мужчины. Который ей хотелось целовать, обсасывать, играть с ним. И она не могла удержаться от этого. У нее начались навязчивые состояния. И во что бы то ни стало – помимо проделывания чего-то подобного в своем воображении – она должна была сделать это и на яву. И только тогда по настоящему успокаивалась. А если (по каким-то причинам) у нее этого не получалось – чувствовала Евгения необъяснимый страх и тревогу. Точнее, должно быть, тревогу – переходящую в страх. Или в страх вечной тревожности. Когда девушка успокаивалась только после того, как ей наконец-то удавалось обхватить губами вздымающийся от распалившейся страсти член. И по возможности подольше «провести с ним время». Да тех конечно пор, конечно, пока мужчина уже не мог сдерживаться – и не кончал прямо ей в рот.

И только тогда на губах Евгении появлялась самодовольная улыбка, а в глазах читалась самодостаточность. А девушка была по настоящему довольна собой.

Правда, на долго ее не хватало. И через какое-то время у нее вновь начинались навязчивые состояния. И ничего невозможно было Евгении с этим поделаться. Как только вновь и вновь припадать губами к хую. И сосать, сосать, сосать...

.....

.....

У Виктора Васильева началось другое. Он вдруг неожиданно стал ощущать, как окружающие предметы изменяют свои объемы. Словно они не имели (словно бы никогда не имели) своих границ. И теперь – глядя на них – кажется, что они все... гутаперчивые, что ли? А то и наоборот – куда-то отползают. И получается, что границ пространства как будто и не существует. По крайней мере сам Виктор их уже не замечал. И передвигаться он теперь боялся. Боялся неожиданно врезаться в какой-нибудь предмет. Боялся что какой-нибудь предмет сам мог наброситься на него. Причем это всегда происходило настолько неожиданно, что Виктор шарахался в сторону. Падал. Поднимался. И входя в азарт – уже сам набрасывался на эти же самые предметы.

И ему казалось, что так уже и должно быть. Потому что, как будто он уже и забыл: как оно должно быть на самом деле?

А как должно?..

.....

.....

Борис Сергеевич Аганов, оказавшись в тюремной камере, внезапно поймал себя на мысли – что этого как раз ему все время и не хватало. Он словно оказался в среде, которая «его». Которая настолько оказалась ему близка, что он думал только о том, почему же здесь не оказался раньше? Ибо как-то уж очень быстро он вписался и в коллектив, и даже в интерьер. И любой, кто

переступал порог камеры, и видел Бориса Сергеевича – ловил себя на мысли: что перед ним извечный обитатель тюрем и колоний.

--Бес,-- представлялся Борис Сергеевич, протягивая руку и улыбаясь фиксами. И вновь прибывшему становилось и вовсе не по себе.

А Бес (он же – Борис Сергеевич) весело скалился, крутясь около новичка и объясняя ему нехитрые правила местного общежития. При этом (если вновь прибывший – не попадал под категорию *петухов, чертей, крыс*, и т.п.),-- Бес брал под свою опеку такого человека. Как бы между прочим намекая, что «новичок» должен делиться *дачами* (передачи) теперь и с ним. И какую-то часть, разумеется, Бес не забывал отправлять на *общак*.

Да он словно и действительно был «своим».

Разрисованный с ног до головы татуировками, Борис Сергеевич вскоре стал чем-то на вроде визитной карточки камеры.

Было ему около 60 лет. Маленького роста, вполне обычного телосложения. Но когда-то Борис Сергеевич занимался гимнастикой. Был даже чемпионом Союза и финалистом Европы. И словно бы спортивное прошлое оказалось и здесь как нельзя кстати. Потому что уважали его за это. И Борис Сергеевич, до того ни разу не попадавший в учреждение подобного типа, стал даже в некоем авторитете. Ну наверное на руку ему сыграло и то что его родной брат – был известный вор в законе. Причем не просто брат – а брат близнец. И какую-то путаницу это тоже конечно вносило. И служило причиной возникновения различных комических ситуаций. А пошутить Бес любил. Его жизнь и раньше словно бы состояла из шутки. Из-за этих шуток он часто терял работу. В свое

время – рассмешив прокурора – Борис Сергеевич чуть не заработал себе срок. Прокурор тогда приказал выставить Бориса Сергеевича из зала. А вместо него посадил его брата. Притом что брат и так должен был сесть. Это был суд над ним. (В одной из зон не было *смотрящего*, власть захватили *активисты*, и брат Бориса Сергеевича, уже к тому времени «честный жулик» в тюремной иерархии, пошел на этап; а после, инсценировав беспорядки, подготовил бунт несколько зон региона, после чего «хозяин» проблемной зоны ушел на пенсию, а тот который пришел вместо него – принял условия игры брата Бориса Сергеевича, и еще через время брата Беса короновали...)

.....

.....

В отличие от Аганова, Якобсону в тюрьме не понравилось. Даже несмотря на то, что вокруг были одни менты (он попал в ментовскую камеру, и после был направлен в Нижний Тагил, на ментовскую зону). Не очень-то там жаловали прокурорских работников. Так же как и адвокатов. Все больше правили бал те кто работал «на земле» (следователи, оперативники и проч.) А потому, сначала Якобсона сильно били. А потом и вовсе «опустили». И не выдержав надругательств – он покончил с собой.

.....

.....

Печальная жизнь началась у Аллюрова.

У него и раньше все было «не слава Богу». А теперь так и вовсе жизнь Павла Игнатьевича стала невыносимой. И уже даже не страхи были у него. Что такое страх? Нечто подобное испытывает чуть ли не каждый, имеющий проблемную психику (с «легко возбудимой» нервной системой). У Аллюрова же началось нечто похуже. Он вдруг стал представлять себя... Васнецовым.

И как он не пытался, у него так и не получалось расстаться с мыслью, что он Аллюров а не Васнецов.

Притом что Павел Игнатьевич даже хотел фамилию взять Васнецова. Но чуть подумав, просто прибавил к своей – через дефис – его. И теперь Павел Игнатьевич Аллюров-Васнецов. Причем, нисколько не считаясь с мнением Васнецова. Который поначалу как мог протестовал против этого. А потом решил Аллюрова убить. А пока не убил, решил, что, мол, пусть носит его фамилию. Хотя и конечно же, при виде Аллюрова Васнецов негодовал. Тем более что теперь это был уже вроде как и не Аллюров, а Аллюров-Васнецов.

Но вскоре Андрей Аркадиевич оставил попытки как-то подействовать на Павла Игнатьевича. Потому что тот, желая избежать нападок Васнецова, пригрозил что возьмет еще его и имя. А то и отчество. А то и оставит в паспорте только его фамилию. А свою уберет.

И чтобы этого не произошло – Васнецов решил оставить своего сумасшедшего приятеля в покое. Убедив себя – что обязательно с ним разобраться. Но позже. А пока...

А пока – наслаждался жизнью Аллюров-Васнецов. Который кроме всего прочего задумал поменять внешность. И, сделав операцию, придать своему лицу – черты Васнецова.

Но об этом он уже решил Васнецову не говорить. Сделав тому сюрприз.

И он действительно вскоре осуществил задуманное. А когда вместо своего прежнего лица в зеркале отобразилось лицо Васнецова, Аллюров все же решил поменять имя-отчество, взяв васнецовские. Да заодно и уже окончательно избавиться от своей прежней фамилии.

И хорошо было бы кому-то пресечь это безобразие. Заключив безумца в соответствующую (психиатрическую) клинику.

Но всем было не до него. И Аллюров стал Васнецовым. По крайней мере – внешне.

Правда, у них немного разным был возраст. И рост. А телосложением они даже совпадали.

А еще через время Васнецов случайно увидел Аллюрова. И этого ему хватило чтобы случился с Васнецовым инфаркт. После чего он еще долго болел. Пока не умер. Или – почти не умер. Потому что только представив, что если он умрет, то Аллюров с полным правом будет творить любые безобразия под его именем – как сразу же пошел на поправку.

А выздоровев – пообещал в скором времени расправиться с уже окончательно сошедшим с ума (как он считал) Аллюровым. Который теперь, впрочем, был и не Аллюровым вовсе – а Васнецовым.

Хотя если так – кем же тогда был Васнецов?

Глава 5

Кирилл Андреевич Романов неожиданно нашелся. Возник вроде как и неоткуда. Хотя и куда пропал – тоже не рассказывал. Но ведь где-то он был?

Но Кирилл Андреевич утверждал что никуда не уезжал. И жил дома. И не находили его только потому, что не искали.

И все как будто вспомнили, что и действительно не искали. И даже никто не додумался поискать Романова в его квартире. По каким-то признакам убедив себя что его там нет. Да и наверняка подумав что уж нахождение Романова в квартире должна проработать милиция.

Но выяснилось, что следователь поручил участковому. А тот отчего-то решил что уж в квартире потерпевшего точно не может быть, отписался, не удосужившись проверить самолично. Видимо рассудив, что если друзья Романова говорят что пропал – значит пропал. Притом что сами друзья могут быть потенциальными преступниками?.. Да думать ли еще об этом. Других проблем по горло...

.....

.....

После того как Романов объявился, он обзвонил всех по телефону (включая следователя и участкового), сказав что «нашелся». И поспешил уехать на юг. Отдыхать. На три месяца.

И это означало что три месяца как минимум становились тремя месяцами сомнений и беспокойств. Сомнений – потому что были все причины сомневаться: действительно ли это был Романов? А беспокойств? Так беспокойства и так окружали наших героев. И от этого уже было не избавиться.

Беспокойством был пропитан и воздух вокруг. И, разумеется, сердца и нервы всех окружающих.

Всех, кто окружал Васнецова. Ибо по всему именно он главный участник событий. Главный герой. И кому симпатизировать, как не ему. Так же как и насмехаться над ним. Хотя и насмехаться над ним есть кому. Кому? Аллюрову, например. Который, видимо, не оставил попыток свести счеты с Васнецовым, и помимо изменений внешности и фамилии Васнецова – женился на одной из его бывших жен. Причем на удивление оказался настолько счастлив в браке, что искренне удивлялся – почему Васнецов когда-то развелся с его нынешней супругой?

Жену Аллюрова я не видел. Сразу после брака «молодые» переехали в другой город.

А еще чуть позже Аллюров прислал открытку, в которой сообщалось, что он навсегда оставляет Васнецова в покое. И отказывается от его фамилии. И даже (насколько уже донесли слухи),-- поменял внешность. Став вновь – Аллюровым, которого мы все знали.

А потом от Аллюрова ушла жена. Но как я знал, особо не переживал. Женившись на другой женщине. И насколько мне было известно – жизнь его вернулась в привычные рамки.

Которые он и не выдержал. Застрелившись.

Глава 6

Романов невероятно переживал то, что произошло с Аллюровым. И почему-то посчитал, что виноват в этом Васнецов.

И Романов решил отомстить этому «негодяю». И для этого им был придуман достаточно хитроумный план.

Но так получилось (как и все в последнее время с Романовым), что в его плане произошел сбой. И когда он (захватив Васнецова) держал его на одной из своих конспиративных квартир – ее неожиданно начал брать штурмом СОБР, получив ориентировку, что там скрываются опасные преступники (ключи от квартиры Романову дал один из знакомых уголовников, который уехал из города).

Как бы то ни было СОБР начал штурм. А Романов, подумав что пришли за ним – стал отстреливаться. И в завязавшейся перестрелке оказался убит. Вернее – тяжело ранен.

Подорвав себя вместе с ворвавшимися СОБРовцами гранатой.
Погиб и Васнецов.

.....

.....

Узнав о смерти Васнецова, Аллюров понял что судьба предоставляет ему еще один шанс.

Он развелся с женой.

Вновь принял обличье Васнецова.

И теперь всем говорил – что на самом деле он Васнецов. И конечно же не погиб. Выжил. Выжидая до поры до времени в укромном месте и объявившись спустя полгода после предполагаемой смерти.

И уже видимо все запутались окончательно.

Путался постоянно и сам Аллюров. Потому что, пусть и взял он его обличье вместе с фамилией, но в душе-то остался Аллюровым. Хотя по мере воспоминаний о покойном перенимал его повадки.

Насколько это у него получилось, никто не знает.

Так уж вышло...

Часть 7

И снова сначала...

Глава 1

Но на самом деле, со смертью Васнецова, Романова, Носова, Якобсона (и даже Жени Мошковой – которая погибла в автокатастрофе; а почти через неделю после нее – рикошетом от случайной пули во время завязавшейся криминальной разборки, случайным свидетелем которой оказался Виктор Васильев – погиб и он) ничего не заканчивалось. А быть может и вообще – все только начиналось.

Но так уж выходило, что в тюрьме (во время инсценированных им беспределов) оказался убит и Аганов. А Аллюров, не вынеся смертей вокруг него – повесился. И значит, как вроде бы, и не о ком больше писать. Но...

Но случайно оказались обнаружены дневники Васнецова. И ведь, пожалуй, никто и не знал, что этот человек ведет дневник.

Вел. Когда-то вел...

Теперь Васнецова не стало.

Детей у него не было. А дневники... дневники сожгла одна из его бывших жен. Которая, впрочем, не только сожгла дневники, но и убила себя на могиле некогда любимого мужчины.

Но это, наверное, лишь какое-то следствие (одно из следствий) действительности.

И тогда уже, если и возникает какой вопрос – то лишь один: почему так все произошло? Ведь вполне могло так случиться, что жизнь Васнецова могла пойти по другому сценарию.

По какому?

Ну, например, он мог быть счастлив в своем первом браке.

И мог не встретить тех людей, которые, собственно, и подвели его к смерти.

И погибли сами. Не выдержав такого *напряжения жизнью*.

А может быть случилось так, что смерть Васнецова... в смерти Васнецова неким образом были повинны и все те, кто умер еще в течение его жизни. Женщины, например, которые когда-то были его любовницами.

И ведь вполне могло случиться так, что и одновременно с ними (с любой, с каждой из них) – должен был погибнуть и Васнецов. Но словно что-то все время откладывалось. Например, судьбой была уготована Васнецову другая жизнь. А он – все не начинал ее. Словно бы действительно – «откладывал». На потом.

И это «потом»... это «потом» все и не наступала. Судьба всякий раз предоставляла ему новый шанс. Словно бы «подталкивая» его к началу изменений в его жизни. А он... А он избегал этого. Бессознательно, конечно.

И вообще, наверное, вся жизнь Васнецова и была как раз подчинена действию этого бессознательного. И если судьбой предоставлялся какой выбор – Васнецов словно бы неосознанно выбирал тот, который предсказывало ему его подсознание. При этом получалось так, что каждый раз он выбирал ложный путь. Неосознанно, конечно.

Но ведь и трудно сказать, так ли уж должно получаться, что выбираемый нами (с подачи бессознательного) путь – такой уж правильный и настоящий. Ведь не всегда так выходит. И

иногда (пример Васнецова перед нами) нужно действовать с точностью наоборот. Причем настолько, чтобы уже забыть как мы действовали в предыдущий раз; и сделать что-то – действительно наоборот.

И, предположим, Васнецов что-то бы и сделал иначе, чем сподвигнула к подобному в итоге его судьба. Но... ведь это только гадать. И все это лишь только предположения. Различные и многочисленные – но предположения.

Но трудно было удержаться, чтобы не попытаться «проработать» эти предположения.

Словно бы прожить – ему – его – жизнь заново.

По новой.

Иначе – чем это было доселе.

И наверное действительно стоит рассказать всю правду...

Глава 2

Меня зовут Андрей Аркадиевич Васнецов. Мне сорок семь лет. Но на самом деле – я давно уже не ощущаю по настоящему свой возраст. И это только кажется что сорок семь. А на самом деле... Тридцать?.. Сорок?.. Пятьдесят?.. Неужели и вправду сорок семь?

Когда-то я был музыкантом. Вполне обычным музыкантом, ничем особо не выделяясь из многих сотен других. И если что-то я и могу еще об этом сказать, так только лишь то, что

музыку я любил до какого-то дикого обожания. Так, что словно и сам – был этим самым фортепьяно. И даже не жил в нем (хотя, когда я был очень маленький – мне всегда хотелось жить в фортепьяно),-- а именно было то что было: я сам был фортепьяно. И на мне играли люди. Людей звали – музыканты. И одним из музыкантов – был я.

Когда я начинал играть – звуки становились частью меня. А еще вернее – я становился частью их. И так получалось, что я как-то неосознанно выплывал из (уже к тому времени достаточно размытых) границ моего тела. И мое тело мне нисколько и не принадлежало. Да и я нисколько не принадлежал ему.

Ну,-- так уж выходило.

.....

.....

Не помню как случилось, но мне пришлось оставить музыку ради бизнеса.

Этого дьявольского бизнеса, в котором я совершенно ничего не понимал, и занялся им – поддавшись влиянию одного своего знакомого. Которого тогда считал даже другом. А теперь просто ненавижу. Хотя и по настоящему не знаю что с ним. Ибо случился момент, когда подставил он меня основательно. Настолько, что я чуть не погиб. А может и погиб. И тогда мои нынешние воспоминания – что-то наподобие второго рождения.

Хотя (уже сейчас ловлю себя на мысли) – умереть я мог уже много раз. Но всякий раз меня что-то удерживало от смерти. А я начинал жизнь заново.

.....

.....

Когда-то у меня было много жен. Так много, что сейчас даже спутались их имена.

И почему-то из памяти моей не стирается только одно – их сексуальные фантазии.

То, что удавалось мне реализовать с ними. И то, что (как мне хотелось верить) нравилось нам обоим. Так же как и всем, кто иногда к нам присоединялся...

.....

.....

Мою первую женщину, по-моему, звали Лена. Маленькая, с огромной грудью и пухленькими губками – Лена в свои восемнадцать делала такой невероятный минет, что я не раз ловил себя на мысли, что мог жить с ней только из-за этого. Из-за ее такого вот умения. Выставшего на самом деле из патологической необходимости. Потому что Лена отчего-то считала еще с детства, что если между ее губ не окажется мужской член – то жизнь будет какой-то неполной. А сам жизненный путь – совсем даже неудачным.

И я уже не помню, но мне кажется, что может и пытался я убедить Лену в обратном (словно бы и не проводя никакой зависимости между минетом и качеством жизни). Но видимо ничего такого у меня не получалось. А то и наоборот – я всякий раз ждал, когда она опустится передо мной на колени, выпустит мой орган любви, и начнет его сосать. Причем с такой самоотдачей, что до того момента пока успевал кончить, тело Елены несколько раз сотрясалось от случавшихся с ней оргазмов. Словно цепная реакция, один служил продолжением (и началом) другого.

Сейчас мне кажется что я ошибался, считая что Лена иногда казалось мне раздражительной. Скорее всего – это была уже моя проекция. Когда я видел в Елене то, что было во мне.

И тогда уже я мог предположить, что видел в Елене как раз ту самую нервозность, которой сам был пропитан с ног до головы. И словно желая успокоиться – помимо Елены пользовался еще и другими женщинами. Любовницами, получалось.

Конечно, не всегда любовницы сосуществовали одновременно с женами. Если опять же предположить, что помимо Елены были у меня и другие жены. Да и что уж точно, никогда не случалось, чтобы любовниц я любил больше, чем жен.

И ничего страшного я не находил в том, что помимо Елены мой член еще вторгается в дозволенные для меня границы тела Евгении. Которая была на несколько лет старше Лены. Отличалась

от нее более высоким ростом и цветом волос (Женька была блондинка). И, конечно же, отличалась своими по турецки раскосыми глазами.

Ну а готовностью предаваться сексу без ограничений девушки совпадали. Причем не только эти, но и последующие. Полина, Надежда, Карина...

Карина, роскошная пышная блондинка ебала меня так, что мне тогда впервые за многие годы хотелось подчиняться и подчиняться. А когда я осторожно переворачивал ее на живот, и медленно вводил член, чуть раздвинув ее ягодицы – мне и вовсе уже ничего не хотелось. Кроме как остаться в таком положении навечно. Потому что именно от подобной формы проникновения Карина испытывала максимальный оргазм. И всякий раз словно бы ненавязчиво подводила меня к тому, чтобы я вошел в нее сзади. Ну а я с радостью выполнял ее просьбу. И единственно что – всякий раз старался отдалить финал. Ибо стоило только взглянуть мне на барахтающуюся передо мной женщину – и уже сдерживаться я не мог. А Карина кричала от страсти так громко – что, пожалуй, сдерживаться и вовсе было невозможно.

К сожалению (к сожалению – для меня) Лена, видимо, то ли заметила что я удовлетворяюсь еще и на стороне, то ли она для себя сама решила, что ей так будет лучше – но она стала изменять мне.

Причем одновременно – с несколькими мужчинами.

И только раз став невольным свидетелем такой сцены (когда Лена занималась любовью сразу с тремя – на одного водрузившись сверху, другой вошел в нее сзади, а еще одному она

делала любимой ей минет) я неожиданно для себя (да и для нее. Хотя, видела ли она что-то вокруг, кроме разрывающихся ее тело мужских членов) – стал все снимать на камеру.

Причем, зачем я это делал? – не знал. Словно бы неодолимая сила потянула меня к видеокамере (как будто специально оказавшейся под рукой) и стал снимать.

А потом закончилась пленка. Но мужчины к тому времени уже «отстрелялись». А уж сколько раз кончила сама Елена – мне оставалось только гадать. Потому как к тому времени я уже звонил в соседскую дверь. И еще через минуту-другую врывался в тело одной из жительниц моего многоквартирного дома.

Женщина давно уже приглашала меня в гости. Как я всегда полагал – как раз за этим.

С Леной после того случая я не развелся. А просто подождал пока она станет немного постарше. И постарался обеспечить бесперебойное поступление любовниц. Уже для нее.

А если быть еще точнее – я привык своих любовниц для занятий любовью еще и с ней. И теперь, собственно говоря, мне не нужно было куда ходить. На сторону.

Ибо эта самая «сторона» неожиданно оказалась у меня дома. Причем, Лене, как я понял, с женщинами неожиданно понравилось даже больше, чем с мужчинами. А я, бывало, разложив их в ряд (одновременно могло участвовать до пяти человек – больше не вмещала кровать) удовлетворял каждую из них. Дождавшись наступления у каждой оргазма.

А случалось, мы все вместе трахали мою жену.

И каждый раз она готова была умереть от счастья. От этого пока не умер ни один из моих знакомых. И что уж точно, не могла умереть Лена. У которой, насколько я помнил, была достаточно длинная жизнь. И уже лет в пятьдесят она переехала за границу, устроившись на работу в публичный дом.

Грудь ее к тому времени (благодаря вживленным силиконам) достигала сто пятьдесят сантиметров в диаметре. И это была настоящая секс-машина. Которая уже не могла успокоиться, не пропустив через себя за день десятка полтора мужчин и женщин.

Причем, некоторые из мужчин – кончали уже при виде ее груди. Ну или стоило Елене только присесть перед ними, положив свои груди им на колени – и взяв их член в свой рот.

Работала она в Египте. Потом, кажется, перебралась куда-то в Европу.

И уже было видно что Елена пользуется огромнейшим спросом. Потому что в Европе к тому времени появился удивительный спрос на женщин пожилого возраста. С такими женщинами мужчины испытывали максимальный оргазм. Видимо отыгрывая Эдипов комплекс.

А я, представляя это, инстинктивно тянулся к записной книжке, чтобы из полусотни собственных знакомых выбрать ту, которая должна была срочно приехать, чтобы пропустить через себя мою страсть. Всосав – мое желание.

Причем почти всех своих знакомых и любовниц я держал на финансовой заинтересованности. И только на эти цели у меня уходила в год достаточно приличная сумма.

Но это была моя прихоть. А я любил ни в чем себе не отказывать.

Глава 3

Мне все-таки казалось невероятным, что это все происходило со мной. Причем, как бы получалось так – что я жил не одну, а несколько жизней. Словно бы несколько. И это было – почти одновременно.

«Почти» -- потому что на самом деле до конца я и не понимал, отчего все происходит именно так. И при этом, конечно же, все время стремился понять.

Но чем больше я желал этого, – тем больше (именно такое было у меня убеждение) я отдалялся от выполнения моего желания. Претворение его в жизнь. И в конце концов все это мне уже казалось невыполнимым. Даже может – и неестественным.

И я не мог от этого избавиться.

Но хотел. Как же я на самом деле хотел начать жить полноценной жизнью. Чтобы больше ничто меня не отвлекало от моих навязчивых мыслей. Ибо, конечно же, именно от подобного рода навязчивостей я большей частью и страдал.

Да и вообще, если разобраться, я давно уже (и не раз, конечно же, не раз) ловил себя на мысли, что на самом деле,

ничего толком измениться не могло. Потому что я весь словно бы состоял из различного рода страхов, тревог, неуверенностей. Мой внутренний мир был пропитан навязчивыми состояниями. И самое печальное было то, что я не знал, как от них избавиться. Словно бы они уже стали частью меня.

Я жил с ними. И при этом – стремился от них избавиться. Стремился хоть как-то заглушить внутреннюю боль. Унять страдание. Страдание, главным образом и являвшееся следствием моих подобных состояний.

.....
.....

Все как бы уже изначально казалось мне мерзким и отвратительным.

Если у меня что-то получалось, то я уже почти наверняка знал, что это все – исключительно *временное* явление. И на самом деле – или все вскоре изменится, или все не так, как мне это казалось. Притом что не раз мне уже приходилось убеждаться в ошибочности собственного восприятия действительности. Я ошибался. Я знал – что ошибаюсь. И тем не менее, смотрел на мир, точнее -- продолжал смотреть – под каким-то своим, отличным от настоящего, углом зрения. И при этом, опять же, предпринимал все возможное, чтобы это не было так. Так плохо. Так отвратительно плохо.

Но любые мои попытки (и с этим на каком-то этапе мне вообще пришлось смириться) неотступно приводили к одному и тому же: они отбрасывали меня назад. Отбрасывали вновь – к

неизвестности. Ибо на самом деле передо мной все время маячила лишь неизвестность. Неизвестность, которая иногда казалась мне даже более желанной, чем то настоящее, которое было всегда со мной. Настоящее, которое присутствовало со мной сейчас.

И наверное такое же «настоящее» было со мной раньше. Вчера, например. Только если тогда я его воспринимал как «настоящее»,-- то сейчас оно, конечно же, для меня прошлое. Лишь только прошлое. И как бы не больше того.

Ну – так уж выходило.

Глава 4

Я наверное даже не вспомню, когда познакомился с некоторыми из моих друзей (людей, ставших сначала знакомыми, а потом как-то быстро – друзьями), которые на каком-то этапе нашего знакомства (или уже получалось – дружбы) вдруг замыслили мое убийство.

Как ни печально, но это было именно так. При возникновении какой-либо жизненной ситуации, моей первой реакцией был сомнение. Так было и тогда. И я отчего-то был уверен, что это именно так.

Павел Игнатьевич Аллюров. Художник. Тридцать девять лет. Достаточно невзрачного вида мужчина. В глубине души откровенный хам и эксгибиционист, внешне Аллюров представлял очень забитое создание. Большинство картин, над которыми он

работал – были откровенно неудачны. Что не мешало ему, впрочем, каждый раз с новой силой набрасываться на новое полотно. Чтобы загубить его. Превратив белый лист в черт знает что. Какое-то подобие совсем уже невообразимого.

И самое печальное было то, что Аллюров считал себя гением.

Это был человек, который «доставал» своих знакомых (стоило вам только стать его знакомым – как знайте: он вас непременно «достанет») мнением о какой-нибудь своей очередной картине.

При этом, самое удивительное было то, что в желании как-то рассказать о преимуществах своего нового полотна, все что было возможно – он говорил по телефону. А на самой встрече -- молчал. Самым предательским образом молчал. И вам обо всем приходилось догадываться самостоятельно.

...А иногда этого не происходило. Вы, как ни силились, не могли понять: что же он от вас хочет? Потому что отчего-то казалось вам, что как раз эту картину вы уже видели. А смотреть по второму разу картины Аллюрова не хотелось.

И вы уже ловили на мысли, что с удовольствием бы надели полотно (в рамочке) ему на голову (так, чтобы рамочка опустилась аккуратно на плечи) — как слышали что-то невнятное. И, прислушавшись, понимали, что этот чудака просит вас «...оценить его последнюю работу».

--А? Так это что-то новенькое?— оживлялись, было, вы. Но тотчас же вспоминали, что то что он сейчас предлагает вам –

вы только что и рассматривали. И видимо ничего кроме разочарования не прочитывалось на вашем лице. Потому как Аллюров... Аллюров уходил смущенный. Так и не разобравшись, как же ему реагировать на ваши слова.

Но в чем-то он был прав. Потому что можно было предположить, что несколько раз взглянув на картину Аллюрова, вы могли произнести несколько слов, с совершенно различными интонациями. Которые, должно быть, ввергли бы, в сомнения любого. Потому что обрамляли эти интонации всего лишь одно слово – «убью».

И Аллюрова действительно хотелось убить многим.

Но так как в большинстве случаев этот человек показывал свои полотна людям интеллигентным,-- то вероятно это слово можно было перевести как: «уйди. И больше ко мне не приближайся».

Не приближайся со своими картинами, разумеется. Потому что в обычной жизни это был скромный, и даже немного забитый человек.

И по большому счету – его было даже жаль. Откровенно жаль. Мне, по крайней мере.

.....
.....

Кирилл Андреевич Романов был полной противоположностью Аллюрова.

Это был человек зверь. Человек ураган. И он сметал на своем пути всех, кто по какой-то случайности там оказался. Хотя и

в большинстве случаев никто по своей воле перед Романовым не оказывался. Все предпочитали словно бы заранее убраться подальше даже от того места, где предполагалось, что тот находится.

«Предполагалось»,-- ибо никто на самом деле не знал, где этот окажется этот социопат. И он видимо обладал какой-то магической силой, потому что стоило только вам подумать о нем – как он оказывался рядом. Уставясь на вас своими бесцветными глазами. Которые мне, например, не раз хотелось выколоть – и жарить. Чтобы посмотреть как будут лопаться (сначала лопаться а потом запекаться) белки.

Но в пищу, конечно, его глаза были не съедобны. И поэтому после того как вы их поджарите – их следовало сразу же выбросить. Чтобы не отравиться желчью, которой они были пропитаны наверное с самого рождения. И видимо повариха в детском саду набив сумки детскими завтраками – не раз чертыхалась, завидев взгляд уставившегося на нее маленького мальчика Кирюши. Если предположить, конечно, что когда-нибудь Романов был маленьким. Во что мне почему-то не верилось. И я вполне мог предположить что Кирилл Андреевич Романов – уже таким и родился. Взрослым, желчным, и циничным. Сначала «охаявшим» какого-нибудь человека – и только потом – находящим в этом человеке какие-нибудь положительные черты. Неосознанно, конечно, находящим. Ибо в том, что ему кто-то понравился – Романов ни за что бы не признался.

Хотя и очень он, на самом деле, был непредсказуем.

Но большей частью – отвратителен.

И ненавистен окружающим. Да и мне в том числе. Хотя мы, в общем-то, считались друзьями.

Но уже это (если между нами и действительно была какая-то дружба) большей частью было какое-то настоящее недоразумение. И если и было, то только лишь потому, что я каким-то образом терпел все его выходки. Потому что видел значительно глубже, чем окружающие. Да и – насколько мог – говорил ему об этом. В шутку, большей частью.

Хотя и любая шутка в отношении этого безумца уже была настоящий подвох.

Ибо Романов шуток откровенно не понимал. И почти на каждую вашу шутку – обзывал вас. Обычно скотиной. А мне в ответ хотелось сказать Романову, что он – козел. Но вместо этого я его обзывал пидором. А он дико смеялся. Потому что знал, что я так не считаю.

И я действительно так не считал. Потому что Романов хоть и был извращенец и садист – но с мужиками не спал. Предпочитая заказывать исключительно проституток. Иной раз сразу по несколько.

Заказывал он проституток потому, что обычные женщины его не любили. Они откровенно боялись его. Потому что с уст Романова срывался только мат. И похабные шуточки. От которых он совсем не мог отказаться. А шутил и смеялся он постоянно.

.....

.....

Таких людей как Борис Сергеевич и Роман Израилевич, наверное не существовало.

Мне лишь только казалось, что они были. Но на самом деле их не было.

Как не было, наверное, и Виктора Васильева. И Антона Носова. И художника Шевцова. И врача Галанина.

А вот Женя Мошкова была. И я с ней в действительности предавался откровенному разврату.

Хотя так ли это – сейчас уже у меня сомнения. Потому что, то, что касалось женщин, большей частью было ложно и неправда. И я на самом деле иной раз путаюсь – было ли все это на самом деле? Или только в виртуальной реальности.

Но если уже разобраться – на самом деле может ничего и не было. И никого.

А что до меня?.. Так у меня, если честно, еще и до сих пор сомнения – а есть я? Или это тоже все виртуальная реальность. И кроме этого – ничего не существует.

А может и действительно ничего не было?

Не знаю. И если честно – я давно уже откровенно запутался, не зная чему и верить.

И зная точно, что верить этому нельзя!

Сергей Зелинский

11 апреля 2006 год.

© С.А.Зелинский. Двойная жизнь.